

Доминика

Автор:

Эмилия Марр

Доминика

Эмилия Марр

Он выкупил меня с торгов и теперь требует полного подчинения. Но я не из тех, кто будет выполнять чью бы то ни было волю, а уж человека однажды предавшего меня – тем более.

Содержит нецензурную брань.

Эмилия Марр

Доминика

Пролог ...

Мои глаза закрыты, но знаю, что вокруг меня одна темнота.

Гул в ушах сменился на жуткую тишину, нагоняющую страх и холод. Все мое тело сотрясается мелкой дрожью. Какая-то агрессивная энергия, окружая меня, заполняет пространство и скоро замкнется в круг. Я навсегда останусь в этих тисках. Осознаю, что впереди борьба. Одолевая страх, я должна выбить одно звено, чтобы выбраться из плена неизвестности. Кажется, что все вокруг – нереально и происходит не со мной. Я являюсь лишь сторонним наблюдателем, будто во сне.

Вдруг, неожиданное движение вызывает независимое от меня медленное вращение, и мое затуманенное сознание немного проясняется.

Размыкаю веки, и яркий луч света болезненно ослепляет мои глаза. Пытаюсь к нему привыкнуть, и понемногу зрение возвращается.

Я стою на пьедестале и нахожусь в каком-то стеклянном цилиндре, с привязанными вверх руками. Вокруг темнота. Не понимаю, что здесь происходит, но, услышав голос и слова, произнесенные им, прихожу в ужас, и действительность обрушивается на меня как разрушающее стихийное бедствие. Что это ? Сумашествие или ненормальная реальность? Паника заполняет все клеточки моего тела, и я не могу воспрепятствовать этому.

– Итак, наш следующий лот! Красивая, стройная, с прекрасными формами и даже с рисунком на теле, а вернее, на великолепных, упругих ягодицах. И этот рисунок создала сама матушка-природа! Кто бы мог подумать! Родинки в виде созвездия Большой Медведицы!

Я кручусь на одном месте, как балерина в подарочных шкатулках, только на самом деле стою я на двух ногах и абсолютно обнажённая, а платформа под мной совершает круговые движения.

Меня прошибает током по позвоночнику! Когда последний раз я это чувствовала?! Давно, в прошлой жизни. Но этого не может быть! Он не должен тут находиться! Быть может, я наконец излечилась, и это реакция на другого человека?

– Но это ещё не все, господа!

Платформа останавливается, стеклянную колбу открывают, и ко мне заходит человек. Я нахожусь лицом к этому лицитатору, если его можно так назвать. Он резко хватает руками мою грудь и двумя пальцами сильно сжимает сосок. И оттуда льётся молоко.

– Да! Дорогие наши господа! Кто любит материнское молочко?! Оно, кстати, очень полезное! Вы можете не только получить удовольствие с этой крошкой, но и поправить свое здоровье. А чего стоит эта красивая и полная грудь! Поверьте на слово – одно удовольствие держать ее в руках!

Смеётся! Этот гад ещё и смеяться умеет! Как бы я хотела его ударить! И не просто ударить, а избить! До крови, до потери пульса! Но это не в моей власти, не сейчас.

А ещё я помню, как мне и другим девушкам наглядно продемонстрировали, что будет, если мы сделаем хоть одно лишнее движение. И я не хочу быть высеченной плетью до крови, а потом ещё стать куклой для утех извращённых садистов.

Мужчина выходит из моей импровизированной стеклянной комнаты, и я теряю его из виду. Луч света по-прежнему освещает только меня. И тут где-то в темноте вижу: загорается красный свет. Потом такой же огонек появляется и справа от меня.

«Ужас! Тут собрались одни извращенцы! Боже, как я сюда попала?!»

– О! Так у нас уже есть желающие! – говорит лицитатор. – Ну что же, начинаем торги.

И тут попеременно зажигаются красные огоньки, и в итоге я слышу:

– Так... а вот это против правил: в одни руки двух кукол сразу не продаём, извините!

Тишина. Слышен негромкий мужской разговор.

Боже, а что означают эти слова: «в одни руки двух кукол», неужто один из этих извращенцев захотел ещё одну девушку для своих больных утех?!

– Ну что же, правила на то и правила, чтобы их нарушать! Итак, продолжаем торги! И у нас ещё один участник!

Я больше ничего не слышу. Меня трясёт. Как такое возможно?! Меня продают с торгов, как какую-то вещь! Как рабыню! Как будто я вернулась на несколько столетий назад! Меня уже даже не смущает, что я стою совершенно голая перед посторонними людьми! Я в шоке!

– Итак, пятьсот тысяч – раз, пятьсот тысяч – два, пятьсот тысяч – три! Продано! И лот уходит господину Шейху! Спасибо, господа! Теперь переходим к следующему лоту.

Луч света перестаёт ослеплять меня, стеклянная дверь открывается, и входят двое мужчин. Один отвязывает меня, второй накидывает на меня пиджак и берет под локоть. Все вместе мы выходим из этой прозрачной колбы и движемся в неизвестном мне направлении.

Дальше все, как во сне. Мы идём по тёмному коридору, потом открывается дверь, дневной свет слепит глаза. Меня подхватывают чуть выше локтя, поднимают и усаживают в машину. Едем в полной тишине около часа, может, чуть больше. Даже не хочу ничего спрашивать, уверена, мне ничего не ответят, а вот обсмеять могут. Ещё одного унижения на сегодня я не выдержу!

Подъезжаем к дому, очень большому дому. Водитель открывает ворота пультом управления, который находится у него в руках. Проезжаем их, и взору открывается большая и красивая клумба с цветами. Кто бы мог подумать, что у извращенцев такая тонкая душевная организация, что они хотят за окном лицезреть такую красоту. Объезжаем клумбу справа по аллее и останавливаемся у двери, ведущей в дом. Меня жестом просят выйти из машины, и я послушно все выполняю.

Поднимаюсь по ступенькам, вхожу в просторную проходную комнату, за ней – большая, с высокими потолками, гостиная!

«Боже, неужели люди ещё строят такие дома?! Зачем?! Для чего эти высокие потолки, огромные панорамные окна, роскошные люстры?!»

По центру гостиной – лестница на второй этаж.

Меня просят подойти к ней, опять-таки жестом!

«Они что, не могут говорить? Или не владеют русским?! Так я и международный английский пойму. Почему же все жестами?!»

Поднимаюсь на второй этаж, и мне указывают идти вправо. Поворачиваю, куда надо, идём по коридору. Проходим три двери, и провожатый осторожно стучит в четвертую, а затем, не дождавшись ответа, открывает её.

Пропускает меня в комнату и закрывает за мной дверь. Тут темно. Глаза понемногу привыкают, и я начинаю различать силуэты.

Прямо напротив меня с кресла встает мужчина, а я уверена, что это именно мужчина. Высокий, широкоплечий, идёт ко мне ленивой походкой. И эта грация хищника кого-то мне очень напоминает. Но я не могу сосредоточиться, мне страшно! Обходит меня, становится со спины. Мне кажется, все волоски на моем теле встали дыбом. Я напряжена и не знаю, чего ожидать!

– Привет, Кареглазка! – произносит незнакомец или...

«Все! Это мой предел! Больше я уже не в состоянии выдержать событий этого дня! На сегодня с меня хватит потрясений!»

Перед глазами все темнеет.

Глава 1

Я бегу от чего-то ужасного, тёмного, страшного. Не вижу от чего, но чувствую, что надо бежать прочь, как можно дальше. Спотыкаюсь, падаю, ползу, лишь бы не останавливаться, нельзя останавливаться, иначе... иначе произойдёт что-то настолько плохое, что уже невозможно будет вернуть все на свои места. Но оно настигает меня.

«Нет. Нет. Н-е-е-ет!»

Вскакиваю и одновременно открываю глаза, тяжело дышу. Это сон, это был всего лишь страшный сон!

Осматриваюсь.

«Где я?»

Просторная спальня, светлая. Из мебели все только самое необходимое: кровать, шкаф, прикроватная тумбочка, кресло напротив кровати. Но надо признать, мебель поражает своей красотой и изысканностью. Да, ее, определённо, подбирал дизайнер. Встаю с кровати, хочу подойти к окну, замечаю, что я в пижаме. Странно, не помню у себя такой секси пижамки. Слышу стук в дверь, поворачиваюсь... и входит ОН!

Начинаю вспоминать, оглядываюсь вокруг и вновь возвращаю свой взгляд к нему.

Ох уж эти глаза – бесстыжие, дерзкие, раздевающие.

Хочется прикрыться руками, но за миллисекунду передумываю – гордо вздёрнув подбородок, направляюсь в сторону другой двери, надеясь, что там ванная комната.

Все это время физически ощущаю на себе его взгляд, что он, не отрываясь, наблюдает за моими передвижениями по комнате. Захожу в ванную, закрываю дверь на замок. Слышу смехок.

«Да, дорогой, я знаю, какой ты. Я не забыла».

Фух... надо передохнуть и успокоиться. Принимаю душ, стараюсь прийти в себя и понять, что произошло.

«Как по прошествии двух лет можно было встретиться, да еще и при таких обстоятельствах?!»

Капли воды подействовали на меня расслабляюще, вернула себя в уравновешенное состояние. Лицо, волосы – в порядке. Только глаза еще выдают нервное напряжение. Надеваю халат и смотрю в зеркало.

«Ну что ж... начнём наш спектакль для одного зрителя!»

Выхожу и сразу говорю:

– Привет! – Улыбаюсь. – Давно не виделись!

– Вот так, значит? – выжидающе смотрит на меня. – Ну, хорошо, привет. Да, давно не виделись. Хм, как дела?

– Пока не знаю... хотела у тебя спросить, как у меня дела? – И снова улыбка.

Да, я такой человек: чем больше нервничаю, тем больше улыбаюсь. Ничего не могу с этим поделать. На экзаменах в универе преподаватели тоже постоянно говорили, что для меня экзамен – праздник, что всегда в хорошем настроении прихожу. Они же не знали, как у меня все колотится внутри. И он не знает. Надеюсь, что не знает.

– Думаю, уже хорошо. Даже лучше – прекрасно! До недавнего времени было все очень паршиво, но тебе повезло, что я был ТАМ. И теперь – все замечательно. Так же, как и у меня.

И тут такая ехидная улыбочка на его лице.

– И... что будет дальше?

– А что ты хочешь? – опять ухмылка.

– Не думаю, что ты это выполнишь.

– Ты всегда была умненькой девочкой, даже чересчур умненькой, – и на долю секунды что-то появляется на его лице – огорчение? Да ладно! Но вот опять он с привычным выражением смотрит на меня.

– Возвращаемся к моему вопросу: что будет дальше?

– Может, завтрак? – прищуривает глаза и улыбается уголками губ.

«Ненавижу!»

– Да, можно было бы.

– По-прежнему не любишь жареные яйца на завтрак?

«Помнит?! Я в шоке!»

– Да, по-прежнему. Может, даже вспомнишь, что люблю?

– Нет, я помню только то, что не нравится. Так интересней, – смешок. – Иди за мной, «находящая-приключения-на-пятую-точку», проголодался я, пока ждал твоего пробуждения.

Выхожу за ним из комнаты, повторяю весь вчерашний путь, только в обратном направлении. Спускаемся по лестнице и обходим её, а там, в арке, – столовая. Сервированный стол. Открывает блюдо, на тарелке – яичница.

«Вот гад!»

Поворачивается и с улыбкой подмигивает мне!

«Прибила бы, честное слово! Но ничего, я не спешу... Ты мне ещё поулыбаешься!»

Скалюсь в ответ.

Парень садится напротив меня. Смотрит в глаза, как будто что-то ищет в них.

«Ну-ну, не так быстро, дорогой».

Опускаю взгляд в тарелку и приступаю к пище.

«Мм... а я проголодалась, кажется, даже вкусно!»

– Кто готовил?

– Хотелось бы, чтобы этим кем-то был я?

«Ненавижу!»

– Нет, хотела сделать комплимент. Вкусно!

– Я знаю, – довольно улыбается, – невкусное тут не держим.

«Нет, ну что за детский сад! Хорошо, раз так хочешь – играем дальше».

Не люблю тишину за столом, поэтому продолжаю:

– Твой дом?

– Желаешь знать, от чего отказалась?

«Ненавижу его привычку отвечать вопросом на вопрос! Ну как с ним разговаривать?!»

Но на моем лице ничего не отражается.

– Я ли отказалась?! У меня не спрашивали. – Продолжаю быстро, не давая ему вставить и слова: – Опять не угадал. – Улыбаюсь. – Красивый дом, очень красивый и очень большой!

Кидает приборы на тарелку, откидывается на спинку стула и бросает на меня убийственный взгляд:

– Так как ты до такого докатилась, что оказалась там, Ника?! И что это за история с ребёнком?! Где же твой су*а муж? – последнее слово выкрикивает с возмущением. – И почему он позволяет своей жене, матери своего ребёнка,

находиться в таком месте, продавать себя и своё тело за деньги?! Хотя не спорю, деньги хорошие. Пять сотен тысяч – нехилая сумма, правда?! Пятьсот тысяч долларов – вот в такую сумму ты оценила себя, Доминика! Ты меня вообще слышишь?

Он орёт на меня! На меня!

– Не ори, – спокойно отвечаю я, – не ори на меня.

А у самой глаза на лоб лезут. Пятьсот тысяч долларов! ПЯТСОТ! ТЫСЯЧ! ДОЛЛАРОВ! Это ж сколько я ему должна в рубликах родимых?!

– Ты не понимаешь?! – продолжает, но уже спокойнее. – Ты не представляешь, что там за люди сидели! Это больные люди, которые помешаны на своих сексуальных, садистских и ещё бог знает каких наклонностях! Попади ты к ним в руки – и уже ни о каком ребёнке или муже, а тем более об обычной жизни, вообще можно не мечтать. Повезет, если выберешься живой, но вот с какой психологической травмой – это вопрос, – и такая горькая усмешка.

Молчу. Сама понимаю, что он прав. Нечего добавить.

– Ты представляешь, как тебе повезло, что я там оказался? Я уже собирался уходить, так как все, что желал приобрести, я уже купил. И тут услышал о знакомом узоре на заднице лота, думал, показалось. Не бывает таких совпадений. Повернулся на всякий случай – а там ты. Такая красота голая, с поднятыми вверх руками – бери не хочу! Чуть не упал от неожиданности!

– Ты так говоришь, как будто я там одна в такой позе стояла.

– Да! Именно так, ты там такая одна была! Все девушки в разных позах, но только ты так сексуально смотрелась, что сразу два урода начали из-за тебя торг вести!

– Ну конечно! Ты-то уже купил себе девушку, – отворачиваюсь.

И почему мне неприятно, что он приобрёл себе индивидуальную игрушку. Мне должно быть все равно! Сколько воды утекло с тех пор! Сколько всего

произошло!

– Кстати, где она? – делаю вид, что ищу ее.

– Ты не понимаешь, о чем говоришь.

– Да неужели! Я чётко слышала, что это твоя вторая покупка на данном аукционе! – о боже, это я таким обиженным голос говорю?

Он меняется в лице:

– Ты ревнуешь? Серьёзно?! Ух ты ж... а мне приятно!

– Размечтался! Просто ты сам говорил, что там больные садисты, получается, и ты один из них.

Смеётся! Неужели я сказала что-то смешное? И с ужасом осознаю, что так соскучилась по его смеху.

– Нет, я не один из них. Но сейчас разговор не об этом. Что ты там делала? Где твой ребёнок и грёбанный муж?

И вот что ему ответить?! Встаю из-за стола, пытаюсь быстро сообразить, какой ответ дать на его вопрос.

– Ну, во-первых, спасибо, что выкупил меня. Деньги действительно большие, ещё не знаю, как я тебе их верну, но я что-нибудь придумаю.

– Доминика! Не зли меня! Сейчас разговор не о деньгах, о них мы поговорим позже! Где твой ребёнок и муж?!

– Зачем тебе это нужно знать?

Если бы все было не настолько серьезно, я бы даже посмеялась, глядя на выражение его лица.

– То есть, ты считаешь, что это от праздного любопытства я интересуюсь?

– Я считаю, что это не твоё дело. Это моя личная жизнь! И я не собираюсь о ней тебе рассказывать. Повторяю: это моё личное дело!

Тишина.

Поднимаю на него глаза, и меня начинает трясти от страха. У него такой взгляд, как будто он намеревается меня убить.

– Ты и святого до греха доведёшь, – цедит он сквозь зубы. – А ты знаешь, что ты моя? Что я тебя купил, и ты целиком и полностью МОЯ! Что захочу, то и буду с тобой делать.

– Но это не касается моего желания тебе что-либо рассказывать. Ты, конечно, вправе делать, что тебе угодно, с моим телом, но душа и разум останутся моими, и я не собираюсь тут перед тобой в откровения играть.

– Я рад, что ты понимаешь суть происходящего. Ну что ж, тогда начнём заниматься тем, чем я захотел, как только увидел тебя на торгах.

Мужчина хищной походкой огибает стол и направляется ко мне. И взгляд у него такой, что съест и не подавится. Понимаю, что он хочет сделать, и прихожу в ужас. Нет, я не хочу этого. Начинаю отходить назад, пока не натыкаюсь на стену. Итак, моя последняя надежда – выставляю руку вперёд и говорю:

– Максимилиан, стой! Пожалуйста!

Он замирает. Боль отражается в его глазах. Откуда это? Не понимаю.

– Я тебе отвечу, только задавай по одному вопросу и спокойным тоном, хорошо?!

– Хорошо, – берет паузу, – как ты туда попала?

– Я не знаю. Стой, стой! Я правду говорю! Я не знаю! Меня похитили. Я вышла с работы, хотела заскочить в один магазинчик, но в переулке меня схватили и впихнули в машину. Дальше я уже очнулась у них в комнате с другими

девушками. Нам сказали вести себя хорошо, тогда с нами ничего плохого не случится, по крайней мере, тут, как они уточнили. Иначе... они нам продемонстрировали, что может произойти в случае плохого поведения, и поверь, ни одна из нас этого не захотела. После все побывали в душевой, дальше – стилисты и визажисты, ну а потом ты сам нас видел. Ты же не мог подумать, что я сама туда пошла?!

Молчит. Странно. Неужели он решил, что туда можно пойти по собственной инициативе? Продолжает молчать и изучающе смотреть на меня.

– Кстати, они не уточняли, сколько я находилась без сознания. Какое сегодня число?

До этого его лицо было настолько сосредоточенным и сердитым, что мой вопрос его немного озадачил.

– Эм... сегодня двадцать седьмое июля.

«Так, значит, пошли уже третьи сутки вне дома».

– А где мы находимся? В каком городе?

– Доминика! Не заговаривай мне зубы! Рассказывай дальше.

– Так я тебе все рассказала. Все как было.

– Что-то не сходится! Они жен и матерей не похищают. У них бывают только девочки, которых не станут искать. И как ты это объяснишь?

– А я откуда знаю, значит, прокололись в моем случае.

– Нет. Это не те парни, которые могут ошибиться. Возвращаемся к началу. Где твой ребёнок и муж?

– А можно без этой информации?

– Ника! – рычит.

– Окей, окей. Сейчас расскажу. У меня нет мужа и ребёнка.

– Что? Как? А как тогда молоко? Так, Ника, моё терпение заканчивается!

– Я серьёзно! Мы, э... мы расстались, ребёнок остался у него.

– И сколько твоему малышу?

– Ему, э... полгода.

«Боже, что я несу?!»

– И как же такой человек, как ты, смог оставить своё дитя? Что-то не верится.

– Да, люди меняются. Со временем. Хотя, кому я объясняю, помнится, ты за один день изменился.

На долю секунды Максимилиан приходит в замешательство, но сразу возвращает привычное выражение лица:

– И что теперь ты думаешь делать?

– Что? А... какие у меня планы на дальнейшую жизнь? Ну... я работаю, получаю стабильную зарплату. У меня есть небольшая квартира. Но раз у меня нарисовался такой большой долг – продам квартиру и буду ещё с каждой зарплатой отчислять тебе ну, скажем, пятьдесят процентов. Если ты не хочешь по мелочи все получать, то возьму кредит. Не уверена, что мне дадут столько наличными, но я придумаю, как вернуть тебе всю оставшуюся сумму. Я понимаю, что ты фактически жизнь мою спас. Я очень благодарна тебе за это.

Улыбается. Не понимаю, к чему эта ухмылка.

– Я думаю, мы найдём ещё один допустимый способ вернуть мне долг.

– Да? И какой? – Неужели он серьёзно? После всего, что было! После всего, что он мне тогда наговорил?

– Я думаю, ты уже догадалась. Может, сама озвучишь?

– Я не буду твоей домработницей.

Недоумение в глазах и смех, искренний такой, родной.

– Есть ещё варианты? А? Милая Доминика.

– Ты же знаешь, я не люблю, когда меня так называют.

– Знаю, ДОМИНИКА.

– Да, ты себе не изменяешь. Ну что же, какие ещё варианты? Э... может, ты предложишь работу в своей фирме или что там у тебя, что позволяет заработать на такой дом?

– А это идея! Я её рассмотрю попозже, много позже.

Мне надоели эти игры!

– Макс, я не буду с тобой спать!

– Будешь!

– Не буду!

– Будешь! И, заметь, я у тебя не буду спрашивать разрешения. Ты – моя. Теперь моя! Целиком и полностью! И только мне решать, что с тобой делать.

– А мой ребёнок и муж? Он будет меня искать.

– Ты сама сказала, что свободна и тебя ничего не держит в городе. Теперь поживёшь со мной тут. До тех пор, пока мне это не надоест. А дальше

посмотрим...

– Ну, помня наш предыдущий опыт, думаю, хватит тебя от силы на неделю.

– Ну что ты, дорогая. Тогда мои планы раскрылись раньше времени, и я не насытился тобой в полной мере.

Больно! Как же больно в груди от этих слов! Готова заплакать, еле сдерживаюсь.

– Скотина! Ненавижу тебя!

Бью его по лицу рукой! Второй хочу оттолкнуть подальше от себя и – бежать, бежать куда угодно!

Но не успеваю сделать и одного шага, как он припечатывает меня к стене и прижимает своим телом, отменяя все попытки вырваться из плена. Хватает меня за кисти рук и поднимает их вверх, а после фиксирует своей рукой.

– Никогда. Больше. Не. Смей. Так. Делать. Ты поняла?! Я такого не потерплю!

Хочу сказать ему пару «ласковых» слов в ответ на его высказывание, но только успеваю разомкнуть губы, как он впивается в мой рот и берет меня в плен своим языком!

И все! Я попала! Я реально попала и пропала!

Да! Макс умеет целоваться! Всегда умел! Его язык, боже, что он вытворяет у меня во рту... Его поцелуй – жёсткий, наказывающий, грубый, неистовый... он – как изголодавшийся зверь, такое ощущение, что сейчас проглотит меня.

Освобождает одну мою руку и начинает стаскивать с плеча халат. И вот тут я прихожу в себя и усиленно стараюсь вспомнить, через что я прошла из-за этого человека. Из-за страсти, которая у меня к нему была. Нет, на этот раз я так просто не сдамся!

Думаю, что делать, пока он переводит дыхание. Свободной рукой обнимаю его голову, тяну за волосы на себя. Он улыбается, ослабляет свой захват, расслабляется, думая, что сломил моё сопротивление, я пользуюсь этим и что есть сил даю ему коленом между ног.

– А такое потерпишь?!

– Ника, – шипит он, согнувшись пополам.

Но я его уже не слушаю, со всех ног бегу к себе в комнату и закрываю дверь на замок.

Глава 2

Перезаживаю дыхание после бега, меряю комнату нервными шагами.

«Думай, думай, что делать! Ещё раз нельзя позволить этому мужчине засесть у тебя в голове и уж тем более в сердце».

Грубый стук в дверь:

– Ника, открой.

– Нет.

– Ника, – в голосе слышны негодование и злость, – открой эту чёртову дверь, я сказал!

– Нет!

– Ни-ка! Открой, иначе...

– Иначе что? – кричу я.

Нервы сдают, видно, похищение сказалось.

Последовало несколько ударов по дереву – он выбил дверь!

«Вот черт, вот теперь я точно попала!»

В панике делаю шаг назад.

«Максимилиан... Как же мне нравится его имя, как оно звучит! Стоп. Нравилось».

Он подходит ко мне. Ни его взгляд, ни поза не предвещают ничего хорошего.

– Макс, – делаю попытку я, – давай попробуем просто поговорить...

– Договорились уже.

Резко делает выпад вперёд и оказывается возле меня. Хватает за воротник халата и рывком стягивает его вниз, обнажив меня по пояс и прижав мои руки по бокам.

– Да, они прекрасны, – произносит он, глядя на мою грудь, – я даже начал забывать, насколько они красивы.

Слышать такое от этого мужчины мне очень приятно, что уж тут темнить, но я не позволяю себе пребывать в стадии эйфории от его комплиментов.

– Отпусти меня, – цежу сквозь зубы.

Поднимает на меня восхищённый взгляд.

«Черт бы его побрал с этой искренностью эмоций».

Смотрит в глаза, потом плавно опускает взгляд на нос, а затем на губы.

– Не смей, – говорю шёпотом, понимая его намерения.

– Даже не подумаю, – с усмешкой произносит он, – пока сама не попросишь.

– Помечтай!

– Да, этим и займусь.

И тут он делает то, чего я не ожидала никак: приподнимает меня и снова прижимает к стене. Ставит одну ногу между моих двух, удерживая тем самым на нужной ему высоте, и начинает большими пальцами ласкать мою грудь.

Выводит круги около соска, дразнит меня. Не прикасается к ним, а только создаёт иллюзию, что вот-вот, ещё чуть-чуть и я получу долгожданное удовольствие, нужно только попросить. Я знаю, он этого хочет.

Сдерживаю стон, готовый вырваться из меня. А Макс все продолжает, не предпринимая никаких других ласк. Знает же, как я люблю, когда он их вбирает в свой рот и ласкает, посасывая, прикусывая и потягивая вперёд.

Сжимаю губы. Поворачиваю голову в сторону. Стискиваю челюсти. Но ничего не помогает. Я хочу, хочу, чтобы он ласкал их своими губами, языком, всасывал, кусал, ах...

Между ног все ноет и тоже жаждет его прикосновений. Хочу их свести, чтобы хоть как-то уменьшить натиск желания своего тела, но его нога мешает и этому.

Все, я сдаюсь.

Да, ненадолго меня хватило. Соски – это моя самая эрогенная зона. И он это прекрасно знает. Он меня всю изучил.

– Давай уже, – не выдерживаю я.

– Что? – прикидывается дураком.

«Гад!»

– Поцелуй их! – говорю на выдохе.

– А волшебное слово?

– Пошёл ты!

– Как хочешь, – говорит с улыбочкой и продолжает свои пытки, вырисовывая большими пальцами узоры вокруг моих сосков. Небольшой съезд с заданной траектории, и тогда он коснётся их. Но Макс этого не делает, у него все выверено до миллиметра. Он терпеливо ждёт, издевается надо мной, дразнит.

Пытаюсь выбраться из захвата, но он очень крепко держит меня. Ещё пару моих неудачных манипуляций и...

– Пожалуйста, – не выдерживаю я.

Не говоря больше ни слова, он впивается в мою правую грудь, не переставая ласкать левую рукой.

– Ах... – невольно срывается стон с моих губ.

– Дааа, – тоже полустонет Максимилиан.

Возможно ли, что он тоже скучал по мне?

Захват ослаб, и я уже могу шевелить руками. Хватаю его за голову и тяну за волосы к себе. Как же я скучала по этим ощущениям. Как же восхитительно быть в его власти, чувствовать его язык у себя на груди. Откидываю немного голову назад и полностью отдаюсь ощущениям.

Он сосёт, покусывает и тянет сосок. Прodelывает это все в хаотичном порядке. Ах. Да! О боже!

Его рука уже находится у меня между ног и прикасается к самой горячей точке моего тела, я дёргаюсь ей навстречу в нетерпении, как вдруг до нас доносится женский возглас:

– Максик, я дома!

Меня как будто окатывают ведром ледяной воды. Я застываю. Все возбуждение как рукой сняло. Макс тоже это почувствовал. Поднимает на меня глаза, а я, наоборот, отвожу свой взгляд. Не могу на него смотреть сейчас. И опять начинаю себя ненавидеть. Толкаю его что есть сил, он отпускает. Заправляю халат. Выдыхаю. Опять в груди все ноет. Ну как! Как я могу быть такой дурой!

Замечаю его движение в мою сторону, выставляю руку вперед.

– Не надо! – не узнаю свой голос. Ледяной тон. Да, такой же, как и состояние души.

– Даже не думай. Из-за нее у нас с тобой ничего не отменяется. Все будет, как я сказал. Ты – моя. Точка. Это не изменить никак.

– Ха! Мы ещё посмотрим, – бросаюсь бравыми словами и прохожу мимо него в направлении ванны. Надо все это наваждение с себя смыть и как можно скорее.

Хватает меня чуть выше локтя и разворачивает к себе:

– Тут и смотреть не на что. Стоит только тебя коснуться, ты вся горишь от желания.

Как же я его ненавижу, и себя, и свое тело, которое хочет его. Хотя на самом деле понимаю, что предаю себя я сама. Я до сих пор его люблю и хочу. И ужасно соскучилась. Но... есть очень много этих «но».

И тут мимо комнаты проходит девушка – симпатичная, жгучая брюнетка – и, увидев нас через дверной проем, останавливается.

– А, вот ты где. И у тебя гостя?! Интересно, – замечает, что дверь выбита и демонстративно подносит руки ко рту: – О боже! Что здесь происходит?! Максик, что вы вытворяете?

– Ирусик, иди-ка ты в свою комнату и не лезь в мои дела.

– Да ладно, больно надо! – сразу меняет она тон. – А Венька в курсе?

– Тебе забыл поведать, в курсе он, что выбита дверь в моем доме, или нет.

– Да ладно тебе, не груби... Тем более при госте. Девушка, вы не думайте, он не всегда такой, бывает очень даже милым, нежным, учтивым и обаятельным. Любой девушке может вскружить голову. Правда, Максик, – подмигивает ему и уходит дальше по коридору.

Она вывела его из себя, он еле сдерживается, я понимаю это потому, что он еще сильнее зажал мою руку. Все это время мы стояли напротив друг друга и все так же с захваченной выше локтя моей рукой.

– Мне больно, – говорю я и глазами показываю на его захват, – может, отпустишь уже? Не убегу я, да и некуда мне бежать. Тем более ни одежды, ни обуви у меня нет.

Ослабляет хватку, но не отпускает. Сверлит меня взглядом, думая о том, вру я или нет.

– Не надо строить из себя невинную овечку, я прекрасно знаю, какой ты мастер в побегах и заметании следов. Хотя в таком виде, – осматривает меня с ног до головы, – ты действительно далеко не убежишь.

Отпускает руку, отворачивается и отходит от меня.

– Так она не твоя девушка? – спрашиваю ему вдогонку. Слова вылетели, не успела я обдумать, надо их произносить или нет.

– Это так важно?

– Да. У тебя есть девушка? Эта или, может, другая?

– Почему интересуешься?

– Я не буду с тобой, если ты состоишь с кем-то в отношениях.

– Доминика, тебя НИКТО НИ О ЧЕМ НЕ СПРАШИВАЕТ. Ты будешь моей, ты будешь подо мной, на мне и вообще во всех позах, в которых я тебя захочу. Как ты попала на этот аукцион, меня не волнует, я заплатил за тебя, и ты будешь отрабатывать. Хотел по-нормальному, но ты отказываешься. Значит, будет все просто – по-моему. А теперь иди в душ, ты уже текла от моих рук на твоей груди, тебе надо помыться. Одежду тебе доставят через час. Приведи себя в порядок и спускайся к обеду. Из-за тебя и позавтракать не удалось.

Разворачивается и уходит.

А я в растерянности хлопаю глазами и то открываю рот, то закрываю. И даже не знаю, как реагировать на его монолог. Направляюсь в ванну, захожу, включаю душ и понимаю, что у меня из глаз текут слезы.

«Это что же получается? Он меня не отпустит? Будет держать тут для своих плотских утех? И у меня нет никаких прав? Какую роль мне отведут в этом доме? Я не его девушка, не его любовница. Пока что, по крайней мере. Он даже не представил меня этой девушке, явно живущей здесь и свободно передвигающейся по дому и за его пределами. И кто такой Венька? Он тоже тут живет? И вообще, где это тут?»

Голова готова взорваться от количества вопросов! А самое главное, как там, в моей цивилизованной нормальной жизни, Юлик и Лайма. Хорошо, что я планировала поездку к родителям, не то бы Лайма уже подняла шум на весь город с моей пропажей.

Да... сколько было планов: отучить ребенка от груди, признаться родителям, рассказав им хоть немного правды из моей нынешней жизни. Я и так еле решилась, и все полетело коту под хвост с этим похищением, теперь еще и с Максом судьба свела. Хотя это лучший итог, который мог бы быть. Я, конечно, не слышала ни о таких торгах, ни о жизни после них, но не думаю, что все было бы как в женских романах – розово и ванильно. С концовкой – «долго и счастливо».

Скорее, как с бедной девушкой, избитой и изнасилованной у нас на глазах.

Вот с такими мыслями и слезами о своей жизни я просидела в ванной комнате около часа. Благо было, где сидеть. Здесь и душевая кабинка, и ванна с джакузи, в которой спокойно могли бы разместиться четыре человека, и еще за отдельной дверью санузел с унитазом и биде. Да, дом реально был большой, и комната вместе с ванной по размеру совпадали с нашей двушкой, в которой мы жили с Юликом и Лаймой.

«Так, надо приводить себя в порядок и выходить. И попросить телефон, чтобы позвонить Лайме», – с такими мыслями вышла из ванной, водрузив одно полотенце на голову, а другим обмотав себя.

На кровати лежало белье. Ну как белье... трусики, если их можно так назвать... и шортики с футболкой. Он это серьезно?! Макс предлагает мне ЭТО носить? Извращенец хренов! Более безвкусных вещей я еще не видела! Шортики еще ничего, хоть и короткие, очень. Но вот футболка и трусики – одни ниточки, разве можно назвать это одеждой?

Села на кровать и жду появления Макса у себя в комнате. Отведенный мне час уже почти прошел. Он скоро придет за мной, терпение – не его конёк.

Минут через пять явился:

– И почему мы до сих пор здесь и не готовы?

– Может, потому, что одежда не подошла?

– Ну у Ирки ничего более приличного не нашлось, так что придется довольствоваться пока этим.

Что?! Так это с ее барского плеча одежда?!

Я меняюсь в лице, зла как черт, да у меня готов от возмущения пар из ушей повалить. А он смеётся. Еще и за живот держится.

– Как же легко тебя вывести из себя. Все та же доверчивая и наивная Доминика. Ну что ты! Даже этикетки еще на месте, невнимательная ты моя.

Делаю пометку на «моя», но стараюсь не заострять на этом внимание. Успокаиваюсь. Значит, все же купил для меня.

– Так это все твой выбор? – обвожу пальчиком все это безобразие на кровати.

– Не понравилось? – а на лице искреннее удивление, что такая прелесть может не прийтись мне по вкусу.

– Я эту порнографию не надену. А что если меня в этом кто-нибудь увидит из твоих, та же «Ирусик», – вырисовываю кавычки двумя пальцами обеих рук, – ну или твои амбалы? Нет, я не хочу так рисковать.

– А как ты готова рисковать? – подходит вплотную ко мне. – Может так? – и снимает с меня полотенце.

Не успеваю опомниться, как им же прижимает мое тело к своему.

– Ника, или в этом, или голая. Выбирай.

С максимально честным выражением лица выдаю:

– Тогда уж лучше голой.

– Ребят, вы хотя бы дверь почините и потом свой интим устраивайте. Я, конечно, могу посмотреть порно, но все же предпочитаю профессиональных актеров лицезреть, а не ваши жалкие попытки, – слышим голос Иры, которая показывается в проеме комнаты.

– Ира, – грозно шипит Макс, – исчезни уже!

– Ухожу, ухожу. Пока, любители, – машет ручкой нам на прощание и исчезает из поля видимости.

Макс поворачивается ко мне, а я пытаюсь забрать у него оба края полотенца, чтобы опять в него завернуться. Он не ослабляет своей хватки. Естественно, в этом случае все мои попытки тщетны. Но я же знаю, чего боится Макс, – начинаю щекотать его в районе ребер и быстро перехожу под мышки.

– Ах ты ж... – со смешинками в глазах говорит Макс, бросает полотенце и начинает щекотать меня. Я извиваюсь, пытаюсь уйти от его рук и в то же время нагнуться за полотенцем.

Он мне не позволяет этого сделать, толкает на кровать и уже там продолжает свою экзекуцию. Я кричу, хохочу, кручусь из стороны в сторону, что есть сил, пытаюсь вырваться... но у меня ничего не выходит, он надавил на меня своим телом и не дает нормально сдвинуться с места. Продолжает щекотать и смеяться, видя мои кривляния. Уже нет сил ни на что, оставляю все попытки вырваться, пытаюсь отдышаться, и он замирает.

Встречаемся глазами, лица обоих становятся серьезными... Макс наклоняется ко мне для поцелуя. А я как зачарованная смотрю на него и даже не пытаюсь увильнуть.

Сначала целует в шею. Эм... как приятно... Затем в подбородок. А потом нежно в губы.

И тут мы слышим:

– Кхм... Макс... Там твой отец пришел.

Макс с явной неохотой отрывается от меня, упирается лбом мне в шею и говорит:

– Да что ж за день открытых дверей?!

Встает, прикрывает меня полотенцем и у выхода говорит своему амбалу:

– И почините эту чертову дверь!

«Да уж, ну и ситуация. И что мне делать? Ходить в полотенце по дому? И двери нет в комнате! А если отец Макса решит подняться на второй этаж и увидит меня полуголую... Что он обо мне подумает? Блин! Может, в ванной запереться, пока дверь не поставят? А это идея!» – улыбаюсь сама себе.

А пока лучше убрать это белье в шкаф, не стоит выставлять напоказ эти ниточки и порождать ненужные фантазии у рабочих и у охраны.

Мм... а какая приятная ткань у трусиков... интересно, почему он выбрал именно их? Может, хочет меня в... эээ... нет, я не готова к такому. Не сейчас. Может быть, позже... Говорят, так тоже можно получить оргазм. О боже! О чем я только думаю!!! Нет, ни в коем случае нельзя! Потом после таких мыслей могут быть действия. И если в мыслях я ему это позволю, значит, и в реальности не устою. А этого нельзя допускать. У меня только все устаканилось в жизни. Мне новые штормовые волнения в виде Макса не нужны.

Открываю дверь шкафа – а тут меня ждет сюрприз. Весьма приятный. На плечиках висит пара футболок, более скромных, чем та, что лежала кровати. На полочке еще одни шортики и джинсы! Джинсы! Отлично! А вот с бельем не повезло: трусики, что я держала в руках, были самыми закрытыми, если о них так можно сказать.

Остальное белье заставляло буйствовать фантазию на предмет того, что, как и в каких позах сделает со мной Макс, если увидит в нем. И эти фантазии вызывали приятные мурашки по коже и томление внизу живота. Один день с ним – и я превращаюсь в нимфоманку. Хотя, учитывая, сколько у меня не было секса – это нормально, наверное.

Так, надо взять себя в руки. Выбираю футболочку, с полки забираю джинсы, ненавистные трусики, более или менее нормальный лиф и обувь – и со всем этим добром закрываюсь в ванной комнате.

Когда же я выхожу, одетая и с высушенными волосами, на пороге комнаты замирает мужчина с инструментами в руках и амбал, который ранее сообщил о приезде отца Макса.

Как же быстро выполняются тут его распоряжения. Плюсик в его карму от меня. Люблю, когда начальство уважают.

Так.. а чем бы себя теперь занять, пока они пытаются починить все, что разрушил Макс. Может, пройтись по дому, посмотреть, что тут и как... А лучше спущусь в столовую, вдруг обед еще не совсем остыл, или хотя бы его можно подогреть и поесть: организм требует пищи после двух заходов в ванную.

Спускаюсь по лестнице на первый этаж и различаю за приоткрытой дверью голоса, один из которых принадлежит Максу. Наверное: там его кабинет. Подхожу ближе и слышу...

Максимилиан

Да что б тебя!.. И почему именно сегодня все хотят меня навестить?!

Как же не хотелось от нее отрываться, но ничего не поделаешь – все же отец. После опять к ней загляну, и тогда уже точно ничего нам не помешает.

Поворачиваю в сторону кабинета, уверен, батя там меня ожидает. Действительно, стоит у окна и смотрит задумчиво куда-то вдаль.

– Кхм... Привет, отец

– Здравствуй, сын.

Поворачивается в мою сторону и протягивает руку навстречу моей. Стандартное рукопожатие между сыном и отцом.

– Как дела? Какими судьбами в мое скромное жилище?

Молчит и смотрит на меня внимательно, как будто прочтет ответ на моем лице

– Так что случилось?

– Я думал, это ты мне расскажешь.

«Не понял...»

– Ты о чем? У тебя что-то случилось, раз ты приехал в такую даль и даже не позвонил перед этим.

– У меня-то все в порядке. А вот что у тебя случилось?

– Отец, давай по делу и прямо, без каких-либо намеков.

– Хорошо. Давай по делу. Хочу спросить, что тебя заставило снять с общего счета пятьсот тысяч долларов?

Вот блин... Я и забыл, что расплатился с общего счета. На моем уже не было достаточной суммы. Все же это затратное дело – строить и обустраивать дом.

– А, ты об этом. Я и сам хотел с тобой поговорить на эту тему. Как ты знаешь, я был на своеобразном аукционе и после того, как выкупил Алену, хотел уже уйти. Но следующий лот заставил меня вернуться. Она – моя давняя знакомая. Я был очень удивлен, увидев ее там в качестве лота. Посчитал правильным выкупить. А когда она мне рассказала, как туда попала, понял, что поступил верно, и хотел связаться с тобой, но некоторые... эээ... дела мне помешали сделать это сразу. Ну, раз ты уже здесь...

– И что же она тебе такого рассказала? И стоит ли ей доверять?

– Пап, она не любительница перчинки, и да, думаю, она говорит правду. Ей просто незачем мне лгать.

– И как же она туда попала?

– Ее похитили. Угрожали расправой, если не будет послушно выполнять требования устроителей.

– Даже так... хм... странно... Это что же выходит, Дмитрий проворачивает торговлю людьми? Вернее, продает девушек в рабство толстосумам?

– Там были не только девушки, пап.

– Вот как?! Разношерстная публика собралась, значит. Ну что же, этот вопрос надо изучить. Дело серьезное. Что сам думаешь по этому поводу?

– Не знаю еще. Но что этим определенно стоит заняться – уверен.

– Хорошо. Возьмём этого Дмитрия на заметку. Мне он с самого начала показался несколько интересной личностью. А что насчет этой девушки? Где и как она? Еще не побежала в полицию?

– Нет. С ней все хорошо. Чувствует себя нормально. Уже отошла от шока, вроде.

– С каких пор ты сюда привозишь чужих женщин? Что-то не припомню, такого. Или она не просто давняя знакомая, а девушка, которая тебе нравится?

– Ээ... да нет, пап, давняя знакомая... да и не нравится она мне. Просто хотел расспросить поподробнее – что, как и почему она там оказалась.

– Не думаю, что ты до конца честен со мной, сын, в этом вопросе. Наверное, еще сам не разобрался. Ладно, пока не буду настаивать. Вот только...

И тут слышу робкий стук в дверь – в кабинет входит Ника. Только что у нее с лицом? Какая-то бледная, но с таким вздернутым вверх подбородком! Что это с ней? Черт, Ника! Неужели ты услышала, что я сказал отцу?!

Доминика

Вот, значит, как?! Хотя о чем я? Прекрасно же знала, что он ко мне ничего не чувствует. Но почему же тогда так больно в груди, как будто туда вонзили нож и провернули им несколько раз? И живот скрутило так, что хочется сложиться вдвое прямо на этом полу!

Стоп! Надо взять себя в руки! Тем более тут его отец, а это шанс.

Постучала в дверь и сразу вхожу. Выпрямляю спину и поднимаю подбородок.

– Здравствуйте. Извините, что прерываю вас. Узнала, что отец Максимилиана приехал, хотела сказать, что вы воспитали достойного сына. Ведь если бы не он, даже не знаю, что бы со мной было сейчас.

Отец у него такой же высокий, как и Макс. Выглядит лет на пятьдесят. Красив, несмотря на седину. Макс на него очень похож, вот только цвет глаз у отца темный. Без животика, с прямой спиной. И такой... стан у него... как у военного, что ли. Прямо чувствуется благородство и власть. Прямой, изучающий меня взгляд, и как будто доволен увиденным. Что ж – приятно.

– Ника – протягиваю руку.

– Аристарх Витальевич, очень приятно.

– Взаимно. Эм... так вот, спасибо! Вы мне жизнь спасли. Да и по поводу средств, потраченных на мое вызволение, хотела сказать, я переведу деньги в течение недели. Как только получу номер счета.

– Ника, – встречается Макс, – о деньгах мы с тобой уже говорили.

– Вопрос с деньгами решайте между собой. Я в это не лезу. Главное, убедился, что с сыном все хорошо. А насчет благодарности за спасение, согласен, хорошим парнем вырос! Не бросит в беде прекрасных девушек и знакомых. Ника, вам, наверное, отдохнуть надо, перевести дух. Уверен, что вы испытали шок от происходящих вокруг вас событий.

– Да, вы правы. Шок был еще тот. Но, к счастью, Макс был рядом, помог. А отдохну я дома, родные стены, знаете ли, – улыбаюсь. – Тем более муж и ребенок ждут меня уже. Может, если вы на машине, смогли бы меня подбросить?

– Конечно, ? не успевает договорить отец Макса.

– Ни-ка! – грозно произносит тот.

Не смотрю на него, не могу. Улыбаюсь его отцу и произношу:

– Спасибо, буду очень признательна вам. Так когда вы собираетесь обратно в город?

– Эм... может, после обеда, – поворачивается к Макс, – сын, покормишь отца?

– Конечно, пап, проходи в столовую. Там уже накрыто. Мы с Никой как раз собирались пообедать.

Глава 3

Аристарх Витальевич, день торгов.

Сидим в ожидании, пройдёт ли все гладко, как запланировали. Кирилл уже опрокидывает не первый стакан виски. Бедный друг, за какие грехи ему досталась такая дочь? Или все же виноват ее новый поклонник? Даже рад, что у меня одни сыновья. Что бы я делал, будь у меня такая дочь, – сложный вопрос.

Звонит мобильный Кирилла.

– Да? Да. Да, все верное. Да, сто тысяч долларов. Да. Спасибо, – хмурит брови и сжимает губы в напряжении. – Сто тысяч, Аристарх! Сто тысяч долларов! Вот в такую сумму вылилась новая шалость моей дочурки! Да что ж такое! Почему у меня такая глупая и без тормозов дочь?! Надо было ее отдать тебе на воспитание, а не баловать и потакать всем ее капризам!

Ну, слава богу, все обошлось! Можно вздохнуть свободно.

– Аристарх, – продолжил Кирилл, – все же, думаю, надо проверить этого Антошку. Ну ненормально же ей было такое предложить. Да и не мог такой простак, каким он кажется, все так организовать.

Моя охрана даже не поняла, как ее из под носа у них уволокли.

– Да, ты прав. Слаженно была проведена операция по ее похищению. Хотя, возможно, она сама все и организовала. Тогда понятно, почему мои ребята ее упустили.

– Да, в этой теории есть доля разума. Ох... что я сделаю с Аленкой, когда верну ее домой, такого она точно себе не представляет! Получит приключения, о которых мечтала!

Доносится звук моего мобильного. Странно, звонок из банка.

– Алло?

– Здравствуйте, Аристарх Витальевич, это вас из банка беспокоят. Поступил запрос на списание пятисот тысяч долларов с общего счета, даете ли вы свое согласие на данную операцию?

– Сколько? Стоп. Кто сделал запрос?

– Пятьсот тысяч долларов. Ваш сын, Максимиланн Аристархович, только что. Если вы отказываете, то мы аннулируем его.

– Ммм? Что? Нет, не надо. Даю свое согласие. Спасибо за звонок.

– Хорошо. Списание средств в размере пятисот тысяч долларов со счета – согласие получено, ответ положительный. Это вам спасибо! До свидания!

– До свидания.

Странно, на что потратил сын такую сумму? Тем более, он должен сейчас быть рядом с Аленой. И почему с нашего счета, а не со счета Кирилла? Видно, не все прошло гладко. Ну, раз от охраны вестей нет, значит, его жизни ничего не

угрожает. Что ж, подожду его приезда.

– Что-то случилось, Аристарх?

– Нет, Кирилл, все хорошо. Небольшие семейные неурядицы, но думаю, скоро все разъяснится.

– Ясно, хорошо, если так. Мне только что отзвонился мой начальник охраны. Сказал, что Алена у него. Говорит, завязал ей глаза и скоро повезёт на дачу. Да так, чтобы не поняла, куда приехала. Я ему доверил выколачивание глупых идей о скучной жизни из ее прекрасной головушки. Надеюсь, у него получится.

– Получится, не сомневайся. Он парень дельный. Сам его готовил. Да и порядочный. Не переживай, теперь Аленка в надежных руках.

– Спасибо. Буду век тебе благодарен за спасение дочери.

– Ну что ты, Кирилл. В свое время ты мне тоже очень помог, на то мы и друзья. Так, если все благополучно разрешилось, думаю, мне и ребятам пора. Счастливо оставаться, сильно не налегай на спиртное, Кирилл. Уже все хорошо, все прошло. Не стоит оно того.

– Хорошо, хорошо, Аристарх. Ты как всегда трезвенник-язвенник. Спасибо еще раз! Пока! И Максиму передавай привет и спасибо!

– Передам, не сомневайся.

Сев в машину, набрал Максимилиана – телефон выключен. Странно, уже должен был включить.

Что ж, может, Иннокентий что знает.

– Да, алло, пап.

– Сын, у меня вопрос: как дела у Максимилиана? Как все прошло?

– Да вроде нормально, выкупил девушку, отдал охраннику. Сам сейчас направляется... так... сейчас скажу... хм... в свой загородный дом. Странно, вроде договаривались в городе на квартире встретиться. Отец, ты не переживай. С ним все в порядке. Может, рабочие вызвали, ты же знаешь... с его этой стройкой. Он уже сто раз пожалел, что сам затеял все возводить, а не готовый дом купил.

– Да, да сын. Ну хорошо. Уже поздно. Завтра тогда наберу его еще раз, а ты сегодня убедись в своих доводах. Если что не так – звони мне. Ладно. Ты там тоже не засиживайся до утра, ночью надо спать.

– Хорошо, пап. Спокойной ночи. Отдыхай!

– Давай. Спокойной.

Завтра надо будет снова попробовать связаться.

Около девяти утра звоню Максиму повторно – опять выключен. Не нравится мне это. Надо поехать, самому разобраться, что случилось.

Приезжаю ближе к обеду к нему в дом. Машина на месте. Охранник тоже.

– Никита, – обращаюсь к нему, – Максимилиан дома?

– Да, Аристарх Витальевич. Дома. Здравствуйте!

– Здравствуй! Ну что ж, раз дома, позови его. Надо поговорить.

– Эмм...

– Что-то не так?

– Нет, все нормально. Сейчас позову.

Захожу в дом. Ммм... какой аромат из столовой! Мария Степановна опять постаралась, может, он там обедает уже? Нет, его нет. Стол накрыт на две

персоны, но никого нет. У него гости? Что ж... подожду его в кабинете.

Прекрасный вид из окна. Немного... хм.. девчачий, что ли... Вся эта огромная клумба с цветами... думаю, в будущем жене Максимилиана это должно понравится.

Сын заходит в кабинет – волосы в беспорядке, рубашка небрежно заправлена в брюки, глаза бегают, нет никакой собранности. Сын будто в смятении.

Здоровается как обычно, голос ничего не выдает. Но что-то не так. Есть какое-то напряжение в нем.

Обмениваемся стандартными приветствиями, просит перейти ближе к сути, рассказать о цели своего визита. Задаю интересующий меня вопрос:

– Хорошо. Давай по делу. Хочу спросить, что тебя заставило снять с общего счета пятьсот тысяч долларов?

Да он забыл, что было буквально вчера! Что же произошло?

Рассказывает о какой-то девушке. Так, теперь понятно и интересно... В обычной ситуации он бы попросил меня уладить такой вопрос, но почему-то решил заняться этим сам. И что это может означать?.. Кидаю наживку, посмотрим, что ответит.

– Хорошо. Возьмём этого Дмитрия на заметку. Мне он с самого начала показался несколько подозрительной личностью. А что насчет этой девушки? Где она, как она? Еще не написала заявление в полицию?

– Нет, она тут. С ней все хорошо. Чувствует себя нормально. Уже отошла от шока, вроде, – неуверенно добавляет сын.

И голос при этом стал чуть мягче – так это еще интересней. Да еще и в свой дом привёз. Что ж... не хочешь говорить сам, будем выяснять своими методами.

– Тут? В доме? С каких пор ты сюда возишь девушек? Что-то не припомню, чтобы ты приводил женщин в дом. Или она не просто давняя знакомая, а девушка,

которая тебе нравится?

– Ээ... да нет, пап, давняя знакомая... да и не нравится она мне. Просто хотел расспросить поподробнее – что, как и почему она там оказалась.

«Не думаю, что ты до конца честен со мной, сын, в этом вопросе. Наверное, еще сам не До конца-до конца разобрался. Ладно, пока не буду настаивать.

Послышался тихий стук в дверь, и в кабинет вошла девушка. Она держалась довольно уверенно – подбородок приподнят и спина прямая, ей мог позавидовать любой солдат на службе.

Красивая и довольно милая внешность, большие, выразительные глаза, цвета лесного ореха. Броские, сразу привлекают к себе внимание. Прямой небольшой нос, полные губы. Немного бледновата, возможно, из-за вчерашнего стресса. Среднего роста, стройного телосложения. Здоровается со мной. Отмечаю приятный голос. Улыбается, правда, выходит это у нее немного нервно.

Ага, значит, Ника. Красивое имя.

Так, а это что за реакция Максимилиана? Недоволен, что она заговорила о деньгах.

А она на него никак не реагирует, даже не смотрит на сына, показательно игнорирует. Интересненько... что между этими двумя? Поссорились, явно.

О! Вот это новость: она замужем, и ребенок есть. Макс на это не реагирует. А вот на ее желание уехать со мной в город буквально рычит, еле сдерживается. Сын, да ты не на шутку взбешён. Надо разобраться в ситуации, почему он ее так не хочет отпускать от себя? Принимаю решение и озвучиваю, что согласен ее подвезти но...

– Эм... может, после обеда, поворачиваюсь к Максимилиану, – сын, покормишь отца?

Он облегченно вздыхает и отвечает:

– Конечно, пап, проходи в столовую. Там уже накрыто. Мы с Никой как раз собирались пообедать.

Глава 4

Максимилиан

Вот женщина! Понимает, что при отце я не буду столь напорист и непреклонен в своём решении удерживать её тут. Батя тоже подставил: решил «прозондировать» наши с ней отношения. Да только совсем не вовремя... Я сам еще толком ничего не понял. Только то, что хочу ее до одури. Со вчерашнего дня кроме нее ничего в голову не лезет.

Чуть не рехнулся, когда увидел кареглазую там, на аукционе. Она была такая нежная, беззащитная и абсолютно голая, со связанными вверх руками. Как же это порочно выглядело. Да, от неё разило сексом. Там у всех встал на Нику. На такую не может не встать. Только глаза выдавали, в каком нервном напряжении она пребывала. Хорошо, что я помню о ее родимом пятнышке на самой аппетитной попке, да что там говорить – я помню о ней все.

Огромное количество бессонных ночей. И желание. Желание обладать ею вновь и вновь. Надо было всего лишь несколько раз переспать, и забыть. Так нет же, не дала такой возможности. Вот неудовлетворённость и сказывается. Как увижу ее, так сразу стояк.

Но ничего, теперь с лихвой возьму все, что мне причитается, и буду брать, пока не надоест. А потом прогоню. Наверное. Все же девушка она неплохая. С ней было удобно, уютно, что ли. Приятно общаться. Забывал обо всех проблемах и планах, когда она была рядом. Такая добрая, нежная, ранимая, отзывчивая и в то же время отважная, напористая, ответственная и принципиальная. В ней все эти качества спокойно уживались.

Парни всегда увивались возле, вот только она никого не подпускала. А этот ее муж... Интересно, кто такой? И почему замуж так быстро выскочила, да еще и ребенка родила. Да... муж... муж... Поднаторела уже, наверное, в сексе, опыта набралась с муженьком-то... Значит, будет не так скучно по ночам. Да и днём тоже. Вообще, пока она у меня в доме, – будет везде и всегда, по моему желанию.

Даже сейчас в этой футболке и обычных джинсах хочу ее.

Нет, я не позволю ей уехать. По плану у нас секс, секс, много секса... потом шопинг (щеголять перед рабочими в том, что я ей наспех купил, не вариант), а после снова секс. До тех пор, пока я хочу.

Доминика надеется уехать с отцом, пусть. Когда ничего не выйдет, она будет в бешенстве, и я всю ее энергию направляю в нужное мне русло. И будет крышесносный секс. Я в предвкушении.

На обед у нас первое, второе, третье – нужно много энергии. В планах – сжигание огромного количества калорий, а она худенькая, ещё не осилит моей атаки.

Ну, поделимся с отцом, Мария Степановна в принципе готовит хорошо, а сегодня вообще превзошла саму себя. Заходим в столовую, на правах хозяина рассаживаю гостей за стол. Нику, конечно, сажаю поближе к себе, отца – напротив.

– Хотел отметить, так сказать, освобождение Ники, поэтому на обед – первое, второе, третье, салаты и компот. Ну и, конечно, шампанское. Какой же без него праздник!

У Ники аж рот открылся от такого обилия еды и красоты на столе.

– Как красиво! Ты уверен, что она на нас двоих готовила? Тут как будто на убой – столько еды.

Ага, на убой. Ухмыляюсь. Не на убой, а на секс-марафон, дорогая. А ты даже не догадываешься для кого.

– Передашь ей мою благодарность, я такой стол даже на Новый Год не накрываю.

«Конечно, я передам, ага! Размечталась она, сбежать приготовилась?! Сама передашь свою благодарность. Да и Мария Степановна будет довольна. Любит, когда хвалят ее стряпню».

– Сын, молодец! – подает голос отец. – Правильно поступил! Так и надо отмечать. Как ты сказал? Освобождение от плена, – и улыбается.

– Ага, из одного плена хотел в другой посадить, – бурчит себе под нос Ника, отец не слышит, но я то рядом.

Наклоняюсь к ее ушку и шёпотом на выдохе говорю:

– Поверь мне, от этого плена ты будешь в восторге.

Застывает на мгновение, потом закусывает губу и заливается румянцем.

«Ты же моя девочка! Как просто тебя можно смутить. При том, что я ей ничего провокационного не сказал».

Отец прячет глаза и улыбку, делая вид что ничего не замечает. Он у меня всегда был понимающим, поддерживал нас с братьями во всем.

Доминика

Отлично! С отцом Макса уеду домой к Юлику и Лайме и забуду об этих трех днях хаоса в моей жизни. Осталось дожидаться окончания обеда – и свобода!

«Мммм, сколько еды! И явно вкусной – такие ароматы витают в столовой».

«О боже мой, тут реально праздничный стол накрыт! Сколько человек хотела накормить эта Мария Степановна?!

Суп из морепродуктов, боснийский шашлык (это потом выяснилось), выпечка из слоеного теста с фаршем. Как красиво смотрится на столе! Курица, запеченная в духовке, салатики без мяса, нарезка из сыра и помидоров. А оформлено-то как! Еще какой-то салат, название которого я не знаю... Торт и шампанское в ведерочке со льдом. Ммм...

– Как много всего! Ты уверен, что она на нас двоих готовила? Тут как будто на убой – столько еды, – не могу сдержать восторга и озвучиваю все свои мысли Макс. – Передашь ей мою благодарность, я такой стол даже на Новый Год не накрываю.

А он молчит и с ехидством ухмыляется, будто задумал что-то..

Отец Макса тоже в восторге.

– Сын, молодец! – говорит. – Правильно поступил! Так и надо отмечать. Как ты сказал? Освобождение от плена, – и улыбается. Чем-то его улыбка и ухмылка Макса похожи. Только чем, пока не пойму.

– Ага, из одного плена хотел в другой посадить, – тихо произношу.

– Поверь мне, от этого плена ты будешь в восторге, – неожиданно рядом звучит голос Макса. При этом обдает мое ухо дыханием. И таким многообещающим взглядом смотрит.

Господи, да как такое можно при людях-то говорить, да еще и на ушко. Я аж вся мурашками покрылась, и сразу несколько сексуальных поз в голове промелькнуло. Я горю, реально! Мои щеки стали красными!

Нет, ну что за человек Макс! При отце усаживается рядом со мной и такие слова произносит.

Убью гада! Чуть позже. А пока надо поесть.

– Ника, вы проживает в столице или проездом тут? – решил поинтересоваться отец Макса. И зачем ему эта информация? Мы встречаемся в первый и последний раз.

– Ммм, живу здесь уже около двух лет, – стреляю взглядом украдкой на Макса.

А он, перестав поглощать пищу, замер и пристально на меня смотрит.

«Да, да, Макс, с тех самых пор».

– Работаете или учитесь?

– Спасибо, конечно, за комплимент. Но учёбу я закончила лет так пять назад.

– А где учились? В каком вузе?

«А на кой черт вам это надо?!» – хотелось бы спросить! Но я мило улыбаюсь и отвечаю:

– Училась здесь же, в Москве.

– Получается, между окончанием учёбы и работой в Москве Вы где-то три года пропадали?

И вот что ответить мужчине, который годится мне в отцы? Да так, чтобы не обидеть.

– Да, вы правы. Три года я прожила в своём родном городе, – и, прежде чем услышать его следующий вопрос, беру инициативу в свои руки: – А вы случайно не из полиции или, может, военный?

Подавляет смешок.

– Видно, я перегнул палку своим любопытством. Да, я военный в отставке.

«Ого! Вот это номер! Макс никогда не говорил мне такого. Хотя он мне много чего не говорил».

– Может, угадаете, до кого дослужился?

– Я не сильна в чинах. Простите мне мой пробел в знаниях, – блин, блин. Теперь он будет думать, что я глупая девчонка, которую почему-то спас его сын.

У Аристарха Витальевича звонит телефон. Он смотрит на экран, потом на нас, хмурится. Странно.

– Я оставлю вас ненадолго, – поднимается из-за стола и выходит из столовой.

– Итак, значит, ты была все это время в Москве? – с едва уловимой злостью произносит Макс.

– Да, это что-то меняет?

– А на кой черт тебя в Латвию потянуло? – чувствую угрозу, исходящую от него. Он взбешён.

А я в шоке. Откуда он знает? Немного отстраняюсь в сторону от него.

– Захотелось, и поехала. Тебе какая разница?

– Какая мне разница?! Какая?! Мне?! Разница?! – встает со стула и возвышается надо мной.

Входит его отец и с сожалением в глазах произносит:

– Ника, тут возникли дела в области. Вы не против провести в гостях у Макса еще пару-тройку часов. А на обратной дороге я вас заберу.

«Против! Конечно против!»

Макс как всегда со своей ехидной улыбочкой и с блеском победителя в глазах. А я как мышка, которая попала в плен, и не знает, как из него выбраться.

– Я могу вас и в машине подождать, мне несложно. Чем потом вам придётся из-за меня опять заезжать к Максиму.

– Нет, обратная дорога через дом Макса, так что лишнего круга я делать не буду. Да и мне с сыном еще надо поговорить обстоятельно, но сейчас уже нет времени. Пора ехать. Вы готовьтесь, через несколько часов я вас заберу, если вы захотите, конечно, – и ухмылка появляется на его губах.

«Нет, ну что за семейка?! С этими ухмылочками».

– Да, конечно, захочу. Неудобно уже обременять Макса своим присутствием.

– Ну что ты, Ника, – выдаёт ангельским голосом Макс, – ты меня совсем не обременяешь.

– Ну что ж, вот и порешили. Заеду позже. Не провожай, сын, дорогу знаю. Поухаживай за гостьей.

И уходит.

Остаёмся наедине. Не знаю, куда деть глаза. Уже ничего не лезет в рот. А Макс просто сидит и смотрит на меня.

– Что?

– Кушай, кушай.

– Ты что-то подсыпал в еду?

Улыбается с хищной такой улыбкой.

– Ты уже наелась?

– А это на что-то влияет?

– Да, – с довольной ухмылкой произносит, приближая свое лицо к моему.

– Если не перестанешь так пялиться, вся еда так и останется на столе.

– Окей. Давай просто поедим. Нам понадобятся силы.

– Для чего?

– Узнаешь, когда придёт время.

– Ок.

Дальше обедаем в полной тишине, хотя в меня уже толком ничего не лезет.

Постукивает пальцами по столу, будто торопится и его терпение уже на исходе.

– Если тебе надо куда-то уйти, можешь идти. Из-за меня не стоит сидеть дома. Я просто подожду твоего отца в комнате.

Становится некомфортно, от того, что отвлекаю его от важных и запланированных дел.

– Нет, дорогая. Я никуда не тороплюсь. Я хочу завершить обед и приступить к более приятным делам.

Не нравятся мне его слова с подтекстом как-то звучат.

– Ты о чем?

– Ты доела?

– Ты не ответил.

– Я спросил, ты доела?

С ним иной раз бесполезно спорить.

– Да.

Вскакивает со своего места, хватает меня за руку и выводит из-за стола. Я в шоке, повинуюсь всем его движениям, а в себя прихожу, когда он впивается своими губами в мой рот. Яростно, жадно.

Пытаюсь отвернуться, но он фиксирует мою голову своей рукой на затылке и вдавливают в себя. Пытаюсь оттолкнуть его руками, но разве такую гору мышц сдвинешь с места! Решила действовать по старой схеме: приоткрыла губы и ответила на его поцелуй.

Почувствовав, что хватка ослабела уже я хотела ударить его, как он уклонился, и мое колено прошло по касательной, мимо пункта назначения. Отрывается от моих губ, смотрит в глаза затуманенным взглядом.

– Нет уж, дорогуша. Дважды на одни и те же грабли я не наступаю. А теперь спокойно поднимаемся на второй этаж, в твою спальню. И без фокусов, Ника. Сегодня весь день нас прерывают, а я очень хочу завершить начатое. Вот такой я человек: не останавливаюсь на достигнутом.

– Я не хочу.

– Захочешь.

– А если нет – изнасилуешь?

В его глазах мелькает что-то похожее на смущение и грусть оттого, что я могла такое предположить.

– Я ничего не сделаю против твоей воли.

– Отпусти меня, Макс.

– Не могу, Ника. Не сейчас, когда я тебя наконец-то нашёл.

«Что? Он меня искал? Но зачем? Два года назад я все прекрасно поняла и уехала, больше мы не виделись. Тогда зачем искал?»

– Почему ты выбрал такие трусики?– хочу увести разговор в другую, менее волнительную тему.

– Ты их надела?

«Прибила бы! Ну почему нельзя хоть раз просто ответить на вопрос?!»

– Ты не исправим. Но я все еще жду, почему именно такие?

– После тебя,– с лукавой усмешкой заявляет этот наглец.

– Да, они на мне.

Взгляд сразу устремляется вниз. В его глазах появляется огонек предвкушения.

– Пойдём.

– Стой. Я ответила, очередь за тобой.

– Я хотел увидеть твои звёздочки. Ведь именно благодаря им ты сейчас тут.

Улыбаюсь, беру его за руку и разворачиваюсь к выходу из столовой. Макс в шоке от изменений и послушно идёт за мной. Поднимаемся по лестнице, идём в направлении моей комнаты. Оборачиваюсь, смотрю ему прямо в глаза, ловлю довольный взгляд хищника. Отворачиваюсь, смотрю на свою дверь – уже починили. За пару шагов до нее резко вырываю свою руку, влетаю в комнату и щелкаю новым замком. Секунда... две...

– Ника! – раздражённо кричит Макс.

Тихо смеюсь в кулачок.

– Ника! Немедленно открой эту чертову дверь!

Молчу.

– Ника! – начинает рычать, – не заставляй меня по новой выбивать ее.

– Надеюсь на твое благоразумие, дорогой Максик.

– А на свое? Где ты его потеряла?

– Именно благодаря ему нас и разделяет дверь.

– Ника, лучше отойди от нее.

«Что? Неужели он ее вновь выломает?»

– Ты не сделаешь этого? – предостерегающе произношу. Надеюсь, что ошибаюсь в своих догадках.

– Детка, и почему ты опять во мне сомневаешься?

Не успела я сделать шаг от двери, как она открылась... ключом? Да что б тебя!

«Ну все, была не была, последняя попытка!»

Поворачиваюсь в сторону ванной и делаю первые два шага с максимальной для меня скоростью, а потом такие же шаги – в воздухе: Макс подхватил меня за талию и направился к кровати.

– Макс, нет!

– Да, Ника, да!

Кидает на кровать и наваливается сверху, не давая возможности встать. Руками фиксирует мои запястья с двух сторон головы.

Мое нервное пыхтение вызывают смешинки в его глазах. Все мои попытки вырваться из тисков Макса разбиваются вдребезги.

– О да! Как же я люблю этого бесёнка в твоих глазах. Его молнии стреляют прямым... э... в сердце? – издевается этот нахал, – Нет, намного, намного ниже, – играет бровями, давая понять, что это именно то, о чем я подумала.

А меня зацепило случайно сказанное им слово. «Любит?»

Увидев замешательство в моих глазах, исправляется:

– Ты такая сексуальная, когда бесишься!

– Ненавижу тебя!

– Знаю. Но хочешь – и это тоже знаю.

Резким движением отпускает руки, хватает края футболки и рвёт её на две части. Я только и успеваю, что пискнуть, как оказываюсь перед ним в одном нижнем белье.

А как он смотрит на мою грудь!

Жадно. С восторгом.

После родов грудь увеличилась. Макс наклоняется и лицом упирается в ложбинку, дышит тяжело, прерывисто. Носом проводит по шелковистой ткани белья. Очень нежно, чувственно. Как же хочется податься вперёд, навстречу к нему, но я останавливаю себя.

– Макс, ты потом не пожалеешь?

– Я жалею, что потерял два года.

– Что ты этим хочешь сказать?..

Не даёт мне договорить и накрывает мои губы поцелуем.

Максимильян

Ее тело сразу откликается на мою ласку. Но она сдерживается. Лицо напряжено.

Она что-то начинает говорить про сожаления...

Затыкаю ей рот поцелуем, мягким и соблазняющим – держит оборону.

Нежно провожу по ее ротику языком – она ослабляет немного свои губы.

Целую сначала ее верхнюю губу, потом нижнюю... оттягиваю ее осторожно... и посасываю... и припадаю ко рту. Она уже его открыла и готова принять мой язык, чем я сразу пользуюсь. Но я не врываюсь, нет. Медленно соблазняю, исследую ее рот, нахожу ее язычок, сплетаюсь с ним.

Её руки, лежавшие до этого на кровати, обвили мою голову и тянут ее на себя.

Отрываюсь от ее губ и прокладываю дорожку из поцелуев к следующей чувствительной точке – ее ушкам. Обхватываю мочку губами, немного оттягиваю, но моя девочка сходит с ума совсем от другого.

Сильнее наклоняюсь и спокойно выдыхаю ей в ухо. Ни в коем случае нельзя дуть, только выдыхать носом. Не знаю, в чем причина, но именно от этого ей сносит крышу. И да, она издаёт стон и выгибает спину, и даже пытается отстраниться, чтобы прервать эти сладостные муки.

Я не позволяю, фиксирую ее голову одной рукой и продолжаю дышать ей в ухо. Второй рукой глажу грудь, через белье обвожу пальцем сосок. Она извивается подо мной.

«Моя чувственная девочка».

Отрываюсь от нее и смотрю в глаза – они закрыты.

– Ника, посмотри на меня.

Проходит пара секунд, прежде чем она понимает мою просьбу. Взгляд расфокусирован. Через мгновение она смотрит на меня с непониманием:

– Займемся сексом, детка?

Секунда, две... три... и вот они – мои чёртики в глазах.

– Иди к черту, Макс! Ненавижу тебя! Отпусти!

Колошматит своими ручонками напропалую – снова беру их в захват.

– Тихо ты, тихо. Получишь сейчас своё удовольствие, только на моих условиях, – проговариваю, еле сдерживая смех.

– Ты!.. Ты!.. Гад! Слезь с меня! Слышишь?!

– Слышу, слышу. А теперь ты послушай. Сейчас мои фантазии превратятся в реальность, и мы оба получим колоссальное удовольствие, – елеиным голосом объявляю ей.

– Я не согласна, слышишь! Это будет изнасилование! Я на тебя жалобу накатаю!

– Я думаю, ты скорее попросишь меня повторить, нежели побежишь к ментам писать записки. Все, хватит разговоров, – протягиваю руку к прикроватной тумбе и достаю оттуда веревку. Вижу изумление в ее глазах, – знаешь, сначала планировал воспользоваться наручниками, но потом понял, что хочу именно верёвкой, как тогда, на аукционе.

– Нет, да ты больной.

– Да. Больной тобою. Так что ты должна меня вылечить.

Закрепляю ее запястьях у изголовья кровати, и пока я это делаю, Ника не сопротивляется, только говорит:

– Таких больных, как ты, лечат в больницах – психиатрических, – и улыбается.

Вот же зараза мелкая. Самой же эта идея понравилась, но никогда не признается, малявка.

– Ника, скоро договоришься так, что и рот твой закрою чем-нибудь типа скотча. А я хочу слышать твои стоны, не лишай меня этого удовольствия.

– Макс, ради твоего удовольствия я могу начать стонать прямо сейчас, – мастерски имитирует соответствующие звуки.

«Вот же зараза. Ты у меня сейчас поохаеть, дорогуша. Руки закреплены, ну что ж, начнём нашу игру, мисс нехочуха».

Накрываю рот Доминики своим: невозможно слышать эти наигранные стоны. Целую поначалу властно, но получив ответный, становлюсь нежнее. Руками ласкаю сочную грудь через белье. Это мою девочку не заводит, а злит.

«Давай, попроси меня», – мысленно внушаю ей, но в ответ я слышу лишь прерывистые вздохи. Отрываюсь от губ, дорожкой поцелуев спускаюсь к шее, к венке, которая пульсирует в бешеном темпе. Покрываю ее поцелуями, затем втягиваю настойчивее кожу дабы оставить свой след на ее теле. Просто хочу этого. И она это любит, я знаю. Сама поступала так же, раньше.

Доминика

Как же он умеет целовать, как будто говорит: «Весь мир к твоим ногам упадёт, только попроси меня». А потом ласкает мою шею и... ставит засос. Мм... как же трудно сдерживать стон. Ещё немного и я не выдержу. Одна рука ласкает левую грудь, вторая рука сжимает ягодицы, язык рисует узоры по контуру лифа. Выгибаюсь навстречу, хочу более решительных действий.

– Хочешь стать моей, Ника?

Молчу, прижимаюсь сильнее, чтобы он перестал болтать и не отвлекался от более приятных дел.

По влажной дорожке, оставленной языком, проходит холодок. Чувствительная кожа покрывается мурашками.

– Мммм... – невозможно сдерживаться.

– Так ты согласна?

Сдаюсь, потому что понимаю: сама этого хочу. Очень:

– Да, черт тебя дери! Делай уже свое дело и доставь мне удовольствие, которое обещал!

Серьёзно смотрит мне в глаза и медленно опускается к моим губам. Я не отстраняюсь, наоборот, сама тянусь к нему, насколько это возможно с привязанными руками. Он целует нежно, мягко, бережно. Как цветок, который боишься сломать, но притронуться просто обязан.

Пальцами проводит вдоль моих рук сначала вверх, затем вниз. Расстёгивает белье, но снять не получается, поэтому просто задирает его .

Целует мои грудь со всех сторон, везде, кроме сосков. А они готовы к прикосновениям – торчат копьями вверх и напряжены до предела. И это томительное ожидание сводит с ума и ещё больше возбуждает, обещая сладкие ласки.

Наконец берет сосок в рот и сильно втягивает, играет с ним языком. Это доводит до иступления. Выгибаю спину. Низ живота сводит приятным спазмом, который вызывает желание раздвинуть ноги по шире и почувствовать откровенные мужские прикосновения, но Макс не спешит. Отрывается от ноющих сосков и чередой поцелуев спускается вниз к животику, а затем и к впадинке в его центре, языком обводит ее контур и проникает в углубление, что отзывается ворохом мурашек по телу. Расстёгивает джинсы, медленно утягивая бегунок вниз и через ткань трусиков целует лобок. Стягивает с моих ног остатки одежды, оголяя их полностью. Смотрит на мое обнажённое тело сверху вниз и довольно улыбается. Проводит рукой от груди до самых сокровенных участков, приближаясь к самому эпицентру желания. Интуитивно хочу развести ноги, чтобы дать мужчине свободу действий, но он мне не позволяет – встаёт и выходит из комнаты.

Я в шоке, не пойму, что происходит.

«Этот гад оставил меня одну в таком состоянии? Но нет, искуситель возвращается буквально через пару минут, с бокалами в одной руке и ведёрком

с шампанским в другой.

– На этом все? Будем распивать шампанское «за встречу»?

Улыбается:

– Закрой глаза.

Только я хотела спросить зачем...

– Просто закрой глаза, доверься мне.

Понимая, что особо выбора у меня нет, послушно выполняю его просьбу.
Чувствую его нежные прикосновения к моему телу.

Он опять терзает мои соски, один – языком, второй – пальцами. Стон вырывается из меня, а потом – крик, так как руку заменил... лёд. И этот контраст тепла и холода вызывает бурю эмоций, и проходит мурашками по всему телу. Я ёрзаю попкой по кровати: невозможно просто лежать. Хочется ощутить это еще раз. Желание почувствовать его между ног почти достигло своего пика.

–Ах.., – не могу сдержать стон, – Макс, пожалуйста... Хочу еще. Больше.

–Что?

– Я хочу тебя, пожалуйста.

– Ты хочешь меня тут? – проводит кусочком льда возле моей самой горячей и влажной точки.

– Да, – у меня там все горит и жаждет его.

– Сильно хочешь? – целует меня в том же месте, где только что побывал кусочек льда.

– Да, – выдыхаю.

– Ты останешься у меня?

– Да... Что?

Опять набрасывается на мои соски – ласкает их то языком, то прохладными пальцами. Лёд скатился в район живота. Я снова покрываюсь мурашками, мозг отключается.

– Останешься у меня?

– Дааа...

Легко целует меня в губы, затем в ложбинку груди. Спускается к животу, вбирает остатки льда ртом и возвращается к моим трепещущим округлостям. Он решил извести меня своими ласками сегодня, но, боже, как же это приятно и чувственно. Волна возбуждения снова проходит по всему телу.

Наконец широко разводит мои ноги. Я подаюсь вперёд, я горю... я хочу его... изнемогаю от желания. Он склоняется и трогает языком клитор, заставляя меня дёргаться, доводя до пика возбуждения. Я извиваюсь, брыкаюсь. Меня всю трясёт. Хочется немедленно прекратить эти пытки и одновременно их продолжить. Макс прижал мои ноги, так как я их уже не контролирую. Во рту пересохло. Я отчаянно кусаю губы, но этого мало.

Макс быстро встаёт с кровати, из кармана достаёт презерватив, затем стягивает с себя джинсы, футболку и боксёры. Раскатывает резинку на свой член и возвращается ко мне, целует, после чего во рту у меня появляется маленький кусочек льда, который хоть на мгновение, но утоляет жажду. Снова терзает мой клитор и соски, и когда я заметалась в его плену с криками «Макс... пожалуйста...», он встал передо мной на колени и резко вошёл, заполнив всю меня до конца. Я интуитивно подаюсь бёдрами навстречу его движениям, желая более глубокого проникновения.

Он сильнее вбивается в меня, резче, быстрее.

– Да! Да! – кричу я.

Еще несколько энергичных толчков – и меня накрывает волной оргазма, глаза застилает пелена и на мгновение я ничего не вижу и не слышу. Только чувствую. Эйфорию, приятную усталость, удовольствие. Следует еще несколько резких движений и Макс присоединяется ко мне. Дышим тяжело, прерывисто. Не хочу нарушать это единение.

Через пару минут окончательно прихожу в себя и слышу:

– Ты никуда не поедешь с моим отцом. Ты будешь со мной столько, сколько потребуется.

Мой чудо-мир рушится, разлетается на множество мелких осколков. Боль опять появляется в груди и рвет душу на части.

– Отвяжи меня, – холодно произношу я. Глаза предательски наполняются влагой.

– Нет, нам надо поговорить.

– Макс, я не могу в таком виде разговаривать, – еле сдерживаюсь, чтобы не зареветь.

– А я хочу, чтобы ты была именно в таком виде. Иначе будет труднее, ты попытаешься убежать.

– Что ты хочешь сказать, говори и проваливай.

Привстаёт и смотрит на меня.

– Ника, я серьёзно. Ты. Никуда. Не. Поедешь., – чеканит каждое слово, словно объясняет маленькому ребенку, – Ты остаёшься! Сейчас приедет отец, и ты скажешь, что решила погостить у меня на пару дней. Отдохнуть, покататься на лошадях, погулять, подышать свежим воздухом. Не знаю, придумай еще что-нибудь, но от меня ты не уедешь.

– А если я захочу уехать с твоим отцом домой?

– Тогда я разыщу твоего мужа и скажу, что ты спишь со мной. Он тебе не даст общаться с ребёнком. Не дам возможности работать, друзья от тебя отвернутся. Никто тебе не протянет руку помощи, кроме меня.

– Ты забыл? Мы с ним разошлись. И ребёнка я ему оставила.

Меня трясет от негодования. Макс опустился до шантажа, подлец! Но я не позволю ему копаться в моей жизни и искать «мужа», иначе все может стать намного хуже.

– Ника, я превращу твою жизнь в ад, если ты сегодня уедешь, – приводит свой последний довод этот ненормальный.

– Боюсь, боюсь. Видишь, уже даже руки подняла в знак капитуляции, – издеваюсь, обдумывая что еще можно сделать.

– Доминика! Не ёрничай. Иначе я поеду к твоей маме и скажу, что ты увела меня из семьи, заставила бросить жену и ребенка, а добившись этого – сбежала.

Что?! Меня колотит от возмущения! Истерично дёргаю руками и кричу:

– Не вмешивай сюда мою семью! Отпусти, урод! Я сказала, развяжи меня! Ты слышишь! Козел! Придурок! Как таких земля носит! Развяжи руки, идиот!

– Тише ты, тише.

– Развяжи! – кричу я. Он фиксирует мое лицо схватив за подбородок руками, чтобы я посмотрела ему в глаза.

– Успокойся, успокойся, я сказал, – выжидающе смотрит. Пытаюсь прийти в себя. Вот же гад! Знает слабые места человека и умело на них давит.

– Все сказал?! Или еще найдутся аргументы?

– Достаточно, теперь я жду твоего ответа.

– Отвяжи меня!

– Нет, сначала ответ.

– Макс, я привязана и лежу голая перед тобой, какой ответ ты от меня ждёшь?

– Положительный. Кстати, мне все нравится в твоём положении: и поза, и обстоятельства, – подмигивает мне.

Отвела взгляд и молчу где-то минуту. Макс расслабил пальцы и погладил по щеке большим, очерчивая скулы.

– И что будет после?

– Ты останешься в моем доме и мы здорово будем проводить время. Примерно как сейчас.

– Нет, после. После того, как я проведу с тобой время. Когда тебе надоест, что будет после этого?

– Так далеко я не заглядывал, Ника. И тебе не советую. Так что, ты согласна? На здесь и сейчас. Ты и я. Пока ты со мной, ты забываешь своего мужика и его ребенка. Ты только моя.

– Не слишком ли много требований, а, Макс?

– Примерно на тридцать миллионов рублей, Ника. Ничего особенного.

– Сколько это займет времени?

– Я не знаю.

– Макс, мне надо работать и зарабатывать на жизнь, квартиру.

– Будем ездить на работу вместе и вместе возвращаться. Но учти, если ты убежишь, я поеду к твоей матери и озвучу ранее сказанные слова.

– Я бы сейчас убила тебя, с удовольствием!

– Вот именно поэтому у тебя и привязаны руки. Ну так что?

Делаю вид, что обдумываю его предложение, а сама понимаю, что проиграла и ответ в любом случае будет положительным.

– Хорошо, я согласна. Теперь, пожалуйста, развяжи меня. Руки затекли и болят.

Улыбка появляется на его лице, и он чмокает меня в губы.

– Отлично, ты приняла правильное решение, – освобождает меня из оков, а после нежно растирает мои руки.

– Конечно, конечно... – блин, они реально затекли, – я в душ, – бросаю на ходу. Направляюсь в ванную и замечаю, что он идет следом. Выставляю руки вперед и говорю:

– Стой! Сегодня мне тебя достаточно. Я просто смою с себя все это и вернусь, хорошо? Молча останавливается, принимаю это как согласие с его стороны.

Встаю под душ. В голове бардак. Зачем я согласилась? Что теперь делать? Как выкрутиться? Что делать с Юликом? Как объяснить все Лайме? Что маме сказать? Мои размышления прерывает звук открывающейся двери.

«Ну конечно, кого интересует моё желание побыть одной?!»

Из глаз только пули не летят, а так взглядом я его уже убила.

– Спокойно, спокойно. Я тоже хочу принять душ.

– У себя принимай!

– Ты знаешь, мне нравится, что ты уже считаешь эту комнату своей.

Молчу, не знаю, что сказать. А ведь и правда, мысленно и вслух я называю ее своей. В это время Макс становится рядом со мной, и теплые капли воды струятся по его лицу, плечам и голому торсу. Теперь я могу рассмотреть этого мужчину полностью, но стараюсь не останавливать взгляд на пришедшем в боевую готовность мужском достоинстве.

Да, он подкачал свое тело за два года, плечи стали шире, а кубики пресса – более чёткими. Узкие бедра, ровные ноги. Многие девчонки ему бы позавидовали.

– Нравится то, что видишь?

Пока я его рассматривала, он наблюдал за мной, блин!

– Бывают экземпляры и покруче!

Резко хватает меня и со злостью прижимает к стенке душевой.

– И сколько же этих экземпляров прошло через тебя?

– Отпусти, ты делаешь мне больно.

Немного ослабляет хватку, но не отпускает.

– Я задал вопрос.

– Не напомнишь, когда я обещала говорить правду, только правду и ничего кроме правды?

– Ника, не зли меня.

– Ты что ревнуешь, Макс?

Мой вопрос застал его врасплох. Хватка совсем ослабла, чем я сразу и воспользовалась, освободившись из его плена.

«То-то же, дорогой. А то не на шутку разошёлся. Собственник хренов! Права вздумал качать!»

– Не смей меня, какая ревность? Просто интересно, много ли опыта набралась... Помнится, я у тебя первым был. Неопытная, невинная, неуверенная в своих действиях...

Толкаю его в грудь: неприятно слышать такие слова, особенно, когда они сказаны с пренебрежением и желанием оскорбить.

– Да, так и было. А мне помнится, ты сиял, как таз начищенный, от счастья, что был у меня первым, и горел желанием всему меня научить.

– Это желание еще горит во мне, детка, – играет бровями, провоцируя меня.

– А во мне горит желание смыть следы твоих прикосновений, и с каждым словом оно растёт в геометрической прогрессии.

Упс... по ходу, эти слова лишили Макса последней капли самообладания.

Одним движением он развернул меня к себе спиной, прижав грудью к стене душевой кабины.

– Ах, хочется смыть следы моих прикосновений?! – шипит мне на ухо, – тогда придется очень постараться, так как сейчас их станет ещё больше, – настойчиво разводит мои ноги. Я было хотела воспротивиться, но пол скользкий, и все мои усилия напрасны, они сами по себе разъехались.

Удерживая мои руки в захвате, Макс пробрался в самое сокровенное местечко и завладел моим клитором.

Я старалась держать оборону и не выказывала никаких признаков удовольствия, но постепенно вся моя защита рухнула, как только он нашёл заветную точку, тело больше не подчинялось разуму. Ноги подкашиваются, Макс это понял и еще яростнее начал движение пальцами.

– Ах... – вырвалось у меня. Вместе со стоном выгнулась спина, и голова запрокинулась на плечо Макса, открывая доступ к шее.

– Ах, неприятны тебе мои прикосновения, значит? – целует оголённую часть шеи и носом упирается мне в ухо. – Значит, смыть хочешь мои следы?! – и ещё интенсивнее ласкает меня между ног.

Меня потряхивает, я не в состоянии контролировать своё тело. С закрытыми глазами принимаю все грубые ласки Макса и извиваюсь как могу в его плену. Чувствую, что ещё немного и оргазм настигнет меня, но Макс вдруг отстраняется. Пока я прихожу в себя, его руки возвращаются, но сейчас они в пене и играют с моими сосками.

– Что ж, если тебе так неприятно, я помогу тебе все смыть.

Я не выдерживаю и, так как по-прежнему стою лицом к стене, наощупь нахожу его член и начинаю водить по нему рукой вверх-вниз. Я хочу, чтобы он продолжил свои ласки и все завершилось оргазмом. Но сказать этого не могу.

– Да, тебе не нравится? – издевается он, когда слышит мой очередной стон. Его правая рука возвращается и продолжает улаживать мое лоно, тогда как левая все так же терзает горошинки сосков.

– Макс, пожалуйста.

– Что?

– Я... я... пожалуйста...

– Что? Произнеси это... Тебе нравится?

Я закусываю нижнюю губу и молчу.

Он активнее работает правой рукой, на что мое тело мгновенно реагирует содроганием и стоном.

– Нравится?

– Да.

– Ещё хочешь? – губами захватывает мочку уха и дышит в него.

– Да, – с придыханием отвечаю я, совершенно обессилив и ожидая разрядки.

Как вдруг все прекращается. Я не понимаю, что происходит. Макс разворачивает меня к себе лицом и ждёт, пока мой взгляд прояснится. Через пару секунд я прихожу в себя и смотрю на него непонимающе, на что он с усмешкой произносит:

– Сейчас ты не кончишь, я не позволю. В следующий раз, прежде чем говорить такие слова, думай своей очаровательной головкой. Иначе мы будем это повторять раз за разом, пока ты не уяснишь, что хочешь меня и с удовольствием откликаешься на все мои прикосновения и ласки. Все, урок окончен, принимай душ, одевайся, жду тебя внизу.

И выходит из ванной комнаты. А я стою и смотрю ему вслед с глупым выражением лица, не до конца осознавая, что произошло. Униженная, опустошённая и неудовлетворённая.

«Блин, блин, черт!»

Делаю воду прохладней, надеясь, что она остудит меня. Эх, хотела бы я сама себя довести до оргазма, чтобы это ощущение неудовлетворённости исчезло. Но, к сожалению, сколько бы я ни пыталась – кончить сама не могу. Вот и сейчас опустила одну руку себе между ног и ласкаю. И вроде приятно, но эти ощущения и рядом не стояли с тем наслаждением, которое вызывали пальцы Макса.

«А пошло оно все!»

Быстро моюсь и злая выхожу из душа.

Да, определённо, у него есть власть надо мной и моим телом. И с этим надо что-то делать!

Сушу волосы, достаю из шкафа новое белье, шорты и футболку. Ну хорошо, Макс, продолжим твою игру.

Спускаюсь вниз. Слышу звуки в столовой и направляюсь в сторону шума. Захожу и вижу мужчину, сидящего спиной ко мне. Он ест, активно передвигая блюда по столу, выкладывая в свою тарелку по кусочку от каждого. У него широкая, накачанная спина. Темные волосы. Больше ничего рассмотреть не удаётся.

– Уже спустилась, – слышу голос Макса с лестницы.

В этот момент из-за стены в столовой выглядывает его отец, а сидящий за столом мужчина оборачивается, и мои глаза медленно округляются от изумления.

– Ника, – говорит Аристарх Витальевич, – позвольте представить вам моего второго сына.

– Сына?! – только и могу произнести.

Макс недовольно хмурит брови.

– Вы братья, Макс? – спрашиваю у хозяина дома и ищу опору, на которую можно было бы опереться, так как ноги подкосились и я их не чувствую. Нахожу её – это ближайшая стена.

– Да, эти двое – мои старшие сыновья, – за Макса отвечает отец. – А вы что, знакомы и с младшим?

Но я уже ничего не слышу... Что все это значит?.. Они братья?! Как такое возможно?!

Доминика, 12,5 лет назад.

Стою возле школы, жду папочку. Он меня всегда забирает после работы. У меня в руках сотовый – подарок родителей ко дню рождения. В классе только у пары человек он есть, и я одна из них. И это супер. Все завидуют мне, а я чувствую себя крутой красоткой и не выпускаю телефон из рук

У меня три подружки. Мы элита школы. По крайней мере, сами так считаем. Ходим по коридорам нашего учебного заведения с гордо поднятой головой. Благо коридоры широкие – все вчетвером помещаемся.

Но сейчас я стою одна. У забора школы. Сегодня ещё должна быть тренировка по волейболу, но у меня день рождения и я убегаю домой. Пригласила подружек в гости после школы, отмечать. Мама обещала накрыть праздничный стол.

К слову, волейболом из нашей четвёрки интересуюсь только я, подружки лишь приходят поболеть. Аля вообще неспортивная, постоянно что-то придумывает, чтобы не появляться на уроках физкультуры. Ее папа вечно находит возможности освободить дочь от спортивных занятий. Наташка тоже далека от спорта. Её максимум – это урок физкультуры. Только Аня посещает секцию легкой атлетики в спортшколе, кстати, единственной в нашем районном центре. Я тоже там занимаюсь. В общем, волейбол – в школе, легкая атлетика – в спортшколе. В остальное время – учеба в среднеобразовательной школе и библиотека в районном ДК.

Сегодня я в красивом платье, губы подкрашены: мама разрешила воспользоваться ее помадой. Впервые. Мне исполнилось четырнадцать лет, я стала взрослой. По крайней мере, мы с подружками так считаем.

Правда, парня у меня нет, хоть и дружу в классе со всеми мальчишками.

Ещё есть подозрение, что мальчики не подходят ко мне потому, что мой папа начальник собеса, большой человек в нашем районе. Но разве может это стать помехой настоящим чувствам?!

Я стою за территорией школы, такая красивая в ярком платье. В одной руке сотовый, во второй букетик цветов, а за спиной школьный рюкзак. Жду папу. Странно, обычно он не опаздывает. Но я не звоню, решаю все же подождать. С

левой стороны по улице идут трое парней. Один – высокий, худой; второй – чуть ниже, но тоже тощий; а вот третий – возможно, чуть выше меня, но немного полноват. Тот, что выше всех, идёт по центру и что-то объясняет двум другим, а они слушают, низко опустив головы.

Почти все ученики уже разошлись либо находятся в здании школы. Мне скучно, и я разглядываю пацанов, приближающихся ко мне.

Поравнявшись со мной, высокий парень, задев меня взглядом, продолжил идти дальше. А затем резко остановился и снова посмотрел. Не моргая. Стоит, не двигается, глаз не отводит. Проходит около десяти секунд, но он все так же продолжает пялиться.

Я в шоке. Уже не знаю, куда отвезти свой взгляд.

«Нет, ну что за придурок, так разве можно смотреть?!»

Взглядом стараюсь показать свое возмущение, но он не шевелится и продолжает истуканом стоять и смотреть.

Уже хотела сказать «пару ласковых» и покрутить пальцем у виска, как его попутчики позвали отставшего друга.

Он не с первого раза, но услышал. Посмотрел на них, затем снова на меня. Потом словно пришёл в себя и побежал догонять приятелей. Нет, ну что за придурок! Я чуть не засмеялась в голос, хотя глубоко внутри была счастлива: значит, он меня посчитал красивой, раз так долго и неотрывно смотрел.

Сам парень симпатичный. Глаза то ли голубые, то ли светло-серые, но в любом случае не тёмные. Ровный и прямой нос. Это для меня такой пунктик – мне нравятся у парней только такие носы. Проанализировав всех мальчишек, которые мне нравились внешне, я поняла, что, это единственная одинаковая у всех черта – прямой и ровный нос. Девчонки смеялись, но я ничего не могла с этим поделать. Да, есть у меня такой бзик, но это на подсознательном уровне.

Наконец из-за угла показалась папина рабочая машина. Когда она притормозила рядом, я села на пассажирское сидение возле папы. Поздоровалась с ним и

водителем.

– Ну что, сколько сегодня сердец ты разбила? – Другой бы на его месте спросил, сколько пятерок я получила, а мой папа интересуется моими сердечными делами.

Вообще, папа – мой лучший друг. Мой защитник перед мамой и остальным миром. Мой мужчина мечты. Надеюсь в будущем встретить такого же прекрасного человека и выйти за него замуж.

С мамой я тоже близка, но она старается меня воспитывать в строгости, так как роль «доброго полицейского» занял папа. Он меня балует как может, поддерживает все мои идеи и поступки. Вообще, не помню, чтобы он меня хоть один раз ругал. Это всегда делает мама. Но я на неё не в обиде. Её я тоже люблю.

– Нисколько, – отвечаю ему с улыбкой. – Сегодня я была благосклонна ко всем.

Папа смеётся и целует меня в макушку.

– А что еще интересного? Одноклассники, учителя, события в школе? Как твои подружки? Все сегодня придут к нам? Кого-нибудь из мальчиков позвала?

Я говорила, что мой папа лучший? Так вот – это действительно так!

– Да, девочки обещали прийти. Нет, мальчиков не приглашала. Они нам ни к чему.

– Ясно, ну хорошо.

– А! Папа, знаешь, оказывается, имя, которое ты выбрал для меня, не такое уж и редкое! Вернее, теперь в нашей школе я не единственная Доминика.

– Ты о чем? У вас новенькая?

– Нет, то есть да. То есть не ученица новенькая, а учительница. Доминика Павловна —учитель английского. У нас сегодня был урок у нее. Наша Лариса

Ивановна перешла во вторую школу преподавать, говорят, и сына своего перевела туда. И вот теперь нам поставили Доминику Павловну.

Папа меняется в лице. Улыбка исчезает, он хмурится.

– Что такое, пап? Ты ее знаешь? Она плохая? Говорят, она отсюда, но долгое время жила в Москве. Такая красивая и деловая. И одежда явно не в наших магазинах куплена.

Он молчит. Я дёрнула его за руки, чтобы привлечь внимание.

– Пааап? Ты что? Что с тобой?

– Все хорошо. Все хорошо, милая.

– Приехали, – подаёт голос дядя Миша.

– Доминика, иди домой. Помоги маме с последними приготовлениями. Мне надо в одно место по работе съездить. Я скоро вернусь.

– Хорошо, – неуверенно отвечаю и выхожу из машины.

Поднимаюсь на третий этаж нашей пятиэтажки и захожу домой. Настроение, испортившееся после разговора с отцом, вмиг взлетело, когда я увидела, какой стол мама накрыла для празднования моего дня рождения.

– Мама, спасибо! Я так тебя люблю!

– И я тебя, Доминика! – в нашей семье не принято сокращать моё имя. И все друзья называют меня именно так. – А где папа? Он не поднялся?

– Нет, он сказал, что будет чуть позже. По работе куда-то надо ему съездить.

– Ну хорошо, иди мой руки и готовься принимать гостей.

Больше ничего не требовалось мне говорить, я сразу побежала выполнять поручения мамы. Через час пришли девчонки, и мы сели за стол. Мама посидела немного с нами, а потом ушла к себе в спальню. Ну а мы с девчонками играли, танцевали. Было весело и шумно. Но ближе к семи вечера гости засобирались домой. Их развез наш водитель. А мы с мамой принялись за уборку. Когда все уже блестело чистотой, разошлись по своим комнатам.

Папу в этот день я больше не видела.

На следующее утро я как всегда собираюсь в школу, а мама – на работу. Она – главный бухгалтер в Администрации района. Когда вырасту я, то стану юристом. Думаю, это интересней, чем бумажки перебирать в кабинете.

Раньше, как и все девочки, я мечтала стать певицей или актрисой. Но я уже взрослая, трезво смотрю на вещи и понимаю, что не пойду по этой дорожке, а выберу стабильный и правильный заработок. Актриса и певица – это несерьезно. А вот юрист —очень даже!

– Папа не будет завтракать?

– У него болит голова, он сегодня останется дома.

– Может, тогда я тоже останусь, за один день я не сильно отстану по учёбе? Вдруг ему что-нибудь понадобится? Мам, как думаешь? Или, может, ты останешься?

– Я не могу, у меня завал на работе, отчетов много. А на счёт тебя... папа знал, что ты захочешь остаться, поэтому сказал, что он просто полежит, отдохнёт. И нянька или ухаживающая ему не нужна. Так что ты тоже в школу. Правда, пойдёшь пешком, у дяди Миши сегодня выходной.

– Ладно, раз он так решил, зайду к нему перед выходом. Может, ему что понадобится.

Мама согласилась. Мы с ней вместе позавтракали, и я заглянула к отцу в комнату. Он лежал под одеялом и спал. И запах стоял какой-то нехороший в комнате. Странно. Подошла, поцеловала в лоб – температуры нет.

– Я тебя люблю, папа. Выздоровливай. Я скоро приду.

В школе все как всегда – уроки, перемены. После шестого урока позвонил папа, сказал, что меня заберёт дядя Миша.

И вот я снова стою у забора. Жду. Вижу: идёт вчерашний парень, один.

«И откуда этот он взялся тут снова?»

Поворачиваю голову, а он встал прямо передо мной, смотрит в упор и молчит. И я молчу, но взгляд не отвожу. А парень наглый, мне с ним не тягаться, понимаю это и опускаю глаза. Да где же дядя Миша?!

– Привет.

Я не отвечаю, с незнакомцами не разговариваю.

– Привет, Кареглазка! Что притихла?

– Я тебе не Кареглазка. У меня имя есть.

– И как тебя зовут?

– Тебя это не касается.

– Я хочу с тобой познакомиться.

«Ни фиги себе заява! Ты смотри, какой шустрый, вдобавок к наглости».

– А я не хочу.

– Почему?

– Я с незнакомыми не разговариваю.

– Ну я тебе и предлагаю познакомиться.

Блин. Вот дура. Один – ноль в его пользу.

– Ну так как –красавицу Кареглазку зовут? – молчу, а он продолжает: – Меня зовут Максимилиан, а тебя? – и протягивает мне руку для знакомства.

Воспитание не позволяет проигнорировать его жест, и я подаю свою навстречу.

«Красавица», «Максимилиан»... блин, а этот парень умеет убеждать.

– Доминика.

– Чудесное имя, редкое.

Хочу сказать, что у него тоже, но сдерживаюсь. А какие у него глаза пронзительные, голубые. А нос? Нос – как я люблю! Ровный и прямой! А еще у него на руках часы! Часы! Обожаю парней с часами. Не знаю почему, но это так. В общем, подходит мне по всем пунктам

«Ууууииии!» – внутри меня все ликует!

Такой парень обратил на меня внимание! Но и это тоже не могу озвучить, поэтому выдаю дежурное «спасибо» и опять замолкаю.

– Сколько тебе лет?

– Такое, знаешь ли, не спрашивают у девушек.

– Ты тут учишься? – легко переключается он.

– Ты гений дедукции! – да, я люблю детективы и книги таких писателей, как Агата Кристи, Жорж Сименон, Джеймс Хейдли Чейз и Эрл Стэнли Гарднер. Все они стоят на полке в моей комнате. Возможно, мечта стать адвокатом как в книге – это как-то по-детски. Но мне только исполнилось четырнадцать лет, так что я имею право на такие мечты.

– Заканчиваешь?

– Почти. Десятый класс.

В этот момент подъезжает дядя Миша, и я, не прощаясь, иду в направлении машины. Внутри меня бушует буря, а снаружи я спокойная, как удав. По крайней мере, надеюсь, что так. Максимилиан явно провожает меня взглядом, я это чувствую всем телом. Сажусь в машину и оборачиваюсь – о да, это действительно так. Он смотрит. А мы отъезжаем. Жаль. Но возможно, он ещё придёт, раз сегодня явился.

– Доминика, ты не против, если мы по дороге заглянем на рынок, мне надо кое-что купить.

Вообще-то рынок находится в противоположной стороне, но если очень надо, то – пожалуйста.

В итоге мы проехали больше часа: то на рынок, то к другу заехать, то в магазин купить игрушку... Я устала сидеть в машине, хотелось домой.

– Дядь Миш, а мы скоро домой?

– Да, хорошо. Сейчас только ещё в одно место заедем.

Прошло полчаса.

Захожу в квартиру, слышу плач на кухне. Влетаю туда – мама сидит и ревет. Падаю на колени перед ней.

– Мама? Мама! Что случилось? Почему ты плачешь?! Мама?!

А она смотрит на меня заплаканными глазами и ничего не может сказать. Открывает рот и только выдаёт нечленораздельные звуки. Я тоже реву. Это невыносимо – видеть маму в слезах.

– Мама, пожалуйста, скажи, что случилось? Что у тебя болит? Папа? Что-то с папой? Папа! – зову его, но в ответ тишина. Бегу в их спальню – там никого.

Только вещи разбросаны.

– Мама, ну пожалуйста, пожалуйста, скажи, что случилось.

– Он ушёл, – говорит мама, немного успокоившись.

Кто ушёл, куда ушёл? О чем она? В моих глазах недоумение – и она поясняет:

– Твой папа ушёл от нас, Доминика, – всхлип, – ушел к другой женщине, – опять всхлип, – к своей первой любви, – и снова слезы.

Что? Как?! Нет!

– К какой первой любви, мама?! Разве он не тебя любит?

Мама начинает ещё сильнее плакать. Ничего не понимаю. Ведь это мама первая папина любовь., и они поженились сразу после института! Я все так же сижу на корточках у маминых ног, не до конца осознавая, что происходит в нашей семье.

Проходит около часа. Мама немного успокоилась. Встаю с колен еле-еле: ноги затекли. Хочу налить маме и себе чай. Присаживаюсь рядом с ней за стол.

– Она вернулась недавно, – начинает рассказывать мама, – из Москвы, куда уезжала с мужем. Теперь она в разводе. Все такая же красивая... Он не смог уже без нее, зная, что она тут, рядом и свободна, и все еще любит его, оказывается. И папа ушёл к ней. К своей Доминике.

И тут меня словно бьёт током. Доминике? Доминике?!

– Меня называли в ее честь? – как же противно становится на душе.

– Теперь, думаю, да. Тебе дал имя папа. Не просто же так. Доминика, – с какой-то долей ненависти, брезгливости и отвращения сказала мама, при этом глядя на меня.

Это больно. Это очень больно. Меня будто ударили в грудь. Не могу вдохнуть. Просто не могу. Воздух закончился. Слезы застилают глаза. Образ мамы становится нечетким. Все размыто. Я падаю со стула. Но мне больно не от падения, а от маминого взгляда, от ее голоса. Ощущение – словно огонь сжигает меня изнутри. Живот скручивает в узел. Руки и ноги немеют.

Я виновата в их разводе.

Слышу, как падает уже мамин стул. Ее руки на моих плечах. Она меня трясет:

– Доминика! Доминика! – хлёсткие пощёчины по моему лицу. – Доминика! Дочка! Доминика! Скажи что-нибудь!

– Больше никогда не называй меня этим именем, – слышу чужой, отрешённый, тихий, словно сквозь туман, голос. И обрывком сознания понимаю, что это сказала я.

На следующий день я забиваю на учебу. Никуда не хочу идти, никого не хочу видеть. У мамы так же – она не идет на работу. Сидит дома, а вернее, лежит на кровати в спальне.

К нам приехала бабушка. Долго причитала, сердилась на отца, нас, что мы вдвоём не смогли удержать мужика. Да, моя бабушка может утешить так, что после повеситься хочется.

Каждая из нас сидела в своей комнате и жалела себя, а бабушка ходила туда-сюда, таскала нам еду, которую никто не хотел есть.

Не знаю, о чем думала мама. По крайней мере, она перестала плакать. А вот меня посещали не очень хорошие мысли. Я не понимала: почему? Почему папа со мной не поговорил? Почему он оставил маму – это его дело и ее. Но почему он оставил меня, свою дочь?! Свою любимую дочь! Или уже нелюбимую...

Не объяснил. Просто бросил. Мой папа, мой лучший друг, мой герой и защитник... Столько эпитетов – и что в итоге?! Просто ушёл, просто оставил.

Какую роль играла? Что значила? Кем тогда я была для него? Всего лишь заменой? Пока не вернется та другая Доминика?! А теперь что? Избавился словно от ненужной вещи, ничего не объяснив..... А правда, зачем? Для чего мне что-то объяснять! Кто я? Что я значу? НИЧЕГО! Я ничего не значу для самого дорого человека в моей жизни.

И что теперь? Как жить? Что делать? Мысль о суициде не приходила мне в голову, но витала где-то рядом нашептывая, что если я захочу, то все в моей власти.

Я ничего не ела пару дней, толком не спала. В основном тихо плакала в подушку. От непонимания. От безысходности. От бессилия.

Итогом моих раздумий стало решение лучше учиться в школе, может, тогда папа вернется ко мне, хоть я и так отличница. Но все же я надеюсь, что скоро он вспомнит о дочери и захочет встретиться и поговорить. Да, он поменял женщину, но дочь-то осталась. Поэтому с понедельника вернусь в школу и буду учиться ещё лучше. Буду не просто отличницей – буду лучшей в школе, в районе. И где только смогу. Он обо мне услышит и вернется! Да, так и будет!

Взбодрившись от этих мыслей, вышла из комнаты и пошла на кухню перекусить. Застала там плачущую мать и бабушку, сидевшую рядом с ней. И что-то меня задело в этой картине.

– Мама! Перестань реветь и делай что-нибудь! Слезами ты не вернешь мужа! Займись собой! Приведи себя в порядок! Знаешь, какая она красивая и стройная?! Вот поэтому он и ушёл от тебя! Стань такой же! Похудей, начни краситься и ухаживать за собой! Перестань быть серой мышкой в кабинете! Сделай причёску! Избавься уже от этой «дульки» на затылке. Купи нормальную одежду! Стань красивой, и тогда ни один мужчина от тебя не уйдет!

Выпалив эти слова, я развернулась и ушла к себе в комнату, не забыв хлопнуть дверь.

Больше мы с мамой не говорили. Я вообще из комнаты больше не выходила.

На выходных ничего не подозревавшая Аля пришла к нам в гости. Хотела узнать, что случилось, почему я пропустила школу. Хорошо, что этой ночью я уже не

плакала и выглядела более или менее нормально. Сказала, что заболела. Она посидела у нас немного, и я пошла её провожать. Дорога лежала через парк вот и решили совместить провожание с прогулкой. Проходя мимо памятника неизвестному солдату, услышала громкий смех, а повернувшись в его направлении, замерла на месте. Ноги перестали слушаться. На фоне памятника фотографировалась девушка – примерно моего возраста, среднего роста, симпатичная блондиночка. А фотографом был... мой папа. Его первая любовь стояла рядом и улыбалась. Такая семейная идиллия. И в этот праздник счастья я явно была лишней.

Аля, спохватившись, что меня нет рядом, обернулась и направилась обратно ко мне. Проследив за моим взглядом, произнесла:

– А, это новенькая из 11 "В" класса. Алена, кажется, ее зовут. Пацаны уже в очередь становятся, чтобы с ней познакомиться. Ее мама – новая училка по английскому. Кстати, она ведет в нашем классе в твоей группе. А этот мужчина... эээ... а это твой папа?! – округлив от удивления глаза, спросила она.

– Все, Аля, пока. Мне пора! – и я что есть сил побежала в сторону дома. Услышала, как меня окликнул папа, но не остановилась. Не могла. Слезы застилали глаза, но я бежала. Хотела бы я так убежать от всего того, что происходило сейчас... но, увы, это невозможно.

Я с шумом залетела в квартиру, хлопнув дверью. То же проделала с дверью в своей комнате и, рухнув на кровать, разрыдалась в голос.

Все, что я решила, все планы, которые построила, – все полетело к чертям!!! Никому я не нужна, будь я хоть трижды круглой отличницей! У него появилась не только новая возлюбленная, но и новая дочь, с которой он, конечно же, подружился и которую полюбил! А меня забыл, выкинул за ненадобностью.

Мама постучалась и хотела войти. А я не хотела никого ни видеть, ни слышать, ни говорить. НИЧЕГО. Я хотела умереть. Зачем мне жить? Никто меня не любит, никому я не нужна. Может, если умру, папа вспомнит обо мне и пожалеет, что бросил, что посчитал меня лишней в своей жизни. И когда меня не станет, он очень огорчится, надеюсь. Жаль, что я этого не увижу...

Вся заплаканная я пошла в ванную комнату. Посмотрела на своё зарёванное лицо, представила, как папа увидит моё бездыханное тело, как заплачет по мне... Мне самой стало жалко и горько от такой жалости.

Как я выглядела сейчас в зеркале? Ужасно. Красные глаза, опухший нос, подёргивающиеся губы... Я поняла: такую меня никто не пожалеет.. Может, посочувствуют, да и только. Да и я сама себя не пожалела бы. Зарёванную страшилку. Слабачку. Слабых никто не помнит, они исчезают бесследно и никому не интересно, что с ними стало. Покинули этот мир, ушли в иной, ну и ладно – никому от этого ни холодно ни жарко. А вот если ты сильный, смелый и целеустремлённый – тебя и уважают, и восхищаются, и хотят с тобой дружить.

Я никому не позволю сломать меня, я не сдамся!

А папа еще пожалеет, что бросил меня, нас... И, может, вернется...

С такими мыслями я и уснула.

Утром первым делом отправилась к маме. Постучавшись, я вошла в ее в спальню. Она сидела у окна и даже не обернулась.

– Мама, завтра же заberi мои документы из школы. И давай переедем к бабушке в город. Там и ты себе работу найдёшь, и для меня школу подберём.

– Хорошо. Завтра отправлю бабушку туда.

Точно! Хотела ударить рукой по своему лбу! Там же ЭТА, мама может с ней столкнуться.

– Хорошо. И еще, мама, не хандри! Этим отца не вернёшь! Мы с тобой должны быть сильными.

– Доминика! Хватит меня учить! Тут я мать, а не ты! – вскочив со стула, заорала она.

– Во-первых, не называй меня больше так. Теперь только Ника. Во-вторых, не срывайся на мне за то, что от тебя ушёл муж. Сама виновата, раз упустила

мужчину.

Мама с размаху влепила мне пощёчину – я аж отшатнулась от неожиданности и силы удара. Слезы сразу брызнули из глаз. Я развернулась и убежала в комнату. Рухнула на кровать и разрыдалась.

Вся наша жизнь пошла под откос из-за появления лишь одной женщины. Как же я ее ненавижу!!! Ненавижу!!! И отца тоже ненавижу!!! За то, как поступил с нами! Со мной!

А ещё ненавижу себя. За то, что рассказала отцу о её появлении. Если бы держала язык за зубами, он бы и не узнал ничего и наша жизнь не превратилась бы в кошмар.

С мамой я не разговаривала до конца дня. Понимала, что наговорила лишнего, но мысль о пощёчине мешала мне извиниться.

Бабушка вернулась из магазина с продуктами. Я слышала их с мамой разговор, но ко мне в комнату никто не зашёл.

На следующий день у дверей квартиры нарисовался «гость». Смешно – теперь отец является гостем.

Я сначала выскочила из комнаты, решила, что он одумался и вернулся. Но он пришёл поговорить с мамой о разводе. Он и со мной хотел поговорить, но я не стала его слушать. Время ушло. Я все решила. Ничего не добившись, отец ушёл. А я снова разревелась.

В течение следующей недели я не выходила из комнаты. Бабушка заходила, приносила еду и попить. Особо мы не говорили. Она только сказала, что родители разводятся, эта женщина не хотела находиться в статусе любовницы, поэтому требовала от отца, чтобы он развёлся. А он и рад, раз так быстро прибежал.

А ещё она сказала, что папа откроет на моё имя счёт в банке и будет перечислять туда деньги на моё житьё-бытьё, а точнее на одежду, еду и тому подобное. В общем, на все, что касается меня. Я оставалась на его иждивении. А

вот мама нет. Теперь она сама за себя. Ха! Как будто мне нужны его деньги!

А еще через недельку мы, забрав все возможные документы, покинули наш районный центр и переехали в город.

Первый год учёбы в городе прошел незаметно. Учиться я стала хуже, спустилась на четверки. Зато больше стала заниматься спортом.

Мама начала следить за собой, записалась в спортзал, накупила новой одежды, сделала модную стрижку и действительно стала выглядеть лучше. Устроилась на работу, на должность бухгалтера.

Где-то через год после нашего отъезда к матери приезжал отец. Как потом выяснилось – мириться. Хотел вернуться в семью, но мама его не простила и не приняла.

Узнав об этом, я устроила маме грандиозный скандал. Мне были непонятны ее доводы. Почему она его не прощает? Он же вернулся к ней, он вернулся к нам, он вернулся ко мне! Так сильно хотела вернуть все на круги своя! Что бы моя жизнь снова стала прежней. Но у мамы на этот счет было свое мнение.

После того дня мы с отцом начали понемногу общаться. Не так как раньше, но уже что-то. А с мамой наши отношения испортились еще больше.. Я ей наговорила очень много неприятных слов, о которых жалела впоследствии, но прощения так и не попросила. Гордость не позволила. И обида за то, что снова лишилась отца, но теперь из-за нее.

А ещё через некоторое время я узнала, что у мамы появился ухажер, руководитель того самого предприятия. Я была очень зла, что из-за какого-то мужика мой папа не может вернуться. Я его тоже не до конца простила, но всё же очень хотела, чтобы наша семья воссоединилась..

А папина первая любовь оказалась очень корыстной стервой. Только и помыкала отцом, а он выполнял любые ее капризы. Но со временем ему это надоело. Мадам стала перегибать палку, и его терпение кончилось. Он понял, что его любовь к ней – просто несбывшаяся мечта юности. И вскоре она его так же пренебрегла, как и в молодости. Только тогда она выбрала перспективного сына дипломата, а сейчас – статус любовницы высокопоставленного человека в

администрации района. И они с отцом разошлись. Он не захотел быть «рогоносцем», а она нашла «рыбу» покрупнее.

Вот только жаль, что пока папа разбирался со своей первой любовью, наша семья развалилась.

Еще один год в городе пролетел без особых потрясений. С мальчиками я почти не общалась. Подруг не заводила. Не знаю почему, но мне казалось, что я тут долго не задержусь. И действительно, по окончании одиннадцатого класса я уехала в столицу поступать в ВУЗ.

К сожалению, мои планы осуществились до конца не вышло. В итоге, я поступила учиться на бухгалтера, и только на заочное отделение – на юриста.

Так как я была иногородней, в нелегкой схватке, но мне дали комнату в общежитии. Там я познакомилась и подружилась с Лаймой. Она оказалась родом из Латвии, но в Москве жила уже лет пять. По наставлению родителей поступила на бухгалтерский учёт, хотя сама хотела бы что-нибудь другое, что-то более творческое. Но что именно она не могла определиться.

Вот так мы с ней и прожили пять лет в одной комнате. Мама обеспечивала мое проживание в столице, а папа пополнял мой личный счёт в банке. Теперь мобильный был у каждого встречного, и я общалась с родителями в основном посредством сотовой связи. К сожалению, с обоими диалог особо не получался, но весёлая и позитивная Лайма всегда меня поддерживала.

Я поняла, что сделала правильный выбор, поступив на бухгалтера, потому что после развала СССР слова «девушка» и «юрист» – не лучшее сочетание. И даже опасное для жизни. В правоохранительные органы девушек брать не спешили, потому что на месте преступления у многих представительниц слабого пола просто сдавали нервы. Работать частенько приходилось среди ночи. А в случае столкновения с преступником такая сотрудница сама могла оказаться в опасности.

Это всё мне поведал мой однокурсник с юридического, он работал в ФСБ. Поступил, чтобы иметь корочку. Фактически же не учился, приходил только закрывать сессию.

Чтобы устроиться в столице простым юристом нужны были хорошие связи. А их у меня не было. Да и знания от заочного обучения не позволяли претендовать на хорошее место. По окончании института я планировала жить и работать в Москве. Но умерла бабушка, и мама осталась совсем одна. Я вынуждена была вернуться домой

Мамин ухажер всё также продолжал за ней увиваться. Она просила его подождать, пока я его не приму. Об этом я узнала из письма бабушки, оставленного мне после смерти. В нем она просила позволить моей маме стать счастливой с этим мужчиной. Оказывается, то, что я не любила его, служило преградой для их воссоединения. После прочтения бабушкиного письма у нас с мамой состоялся серьезный разговор. Я сказала, что желаю ей счастья, что я уже взрослая и все понимаю. Жаль, что это не отец, но чем ей быть одной, уж лучше пусть будет с этим мужчиной, раз она ему доверяет. А я постараюсь с этим смириться.

Мама была очень рада моему решению. И уже через неделю привела его ко мне знакомиться официально. Мужчина выглядел очень солидно: симпатичный, в хорошем костюме, держался очень приветливо, старался шутить. Было видно, что он очень нервничал, что меня даже повеселило. Взрослый мужик, а нервничает из-за какой-то девчонки.

Дядя Дима, так зовут этого мужчину, сделал маме предложение. После этого мы переехали к нему в двухэтажный дом. Оказалось, что он тоже в разводе, и последние лет шесть жил один. Жена и сын живут отдельно. Не знаю, что у них произошло, но я решила в это не вмешиваться. Главное, что сейчас мама счастлива. И мне этого достаточно.

Глава 6

Я приехала домой с двумя дипломами столичных институтов, а устроиться на работу своими силами не получилось. Город небольшой, рабочих мест мало, и чтобы получить даже скромную должность в бюджетной организации нужны были связи. Еще вариант заплатить за желаемое место, причем заплатить

баснословные деньги, которые ты смогла бы вернуть в течение года работы! И еще не факт, что ты долго там продержишься.

Связи у меня были, вернее, были у дяди Димы, но я не хотела ими пользоваться. Так продолжалось около двух месяцев, потом я сдалась и через маму попросила его устроить меня на работу.

У него это вышло быстро. В недавно открывшуюся фирму его знакомого требовался помощник бухгалтера. Мама мне помогала, когда возникали вопросы по работе, поэтому почти не бывало никаких проблем. Первый бухгалтер, Людмила, увидела мою исполнительность, трудолюбие и теоритические знания, которыми я обладала. И у нас сложились прекрасные отношения. Вся эта идиллия длилась чуть больше двух лет. Я совмещала работу бухгалтера и кадровика, благо юридическое образование позволяло. В один из дней я получила документы с распоряжением подготовить трудовой договор и оформить официально мою школьную подругу Алю. Я было приятно удивлена такому стечению обстоятельств, что нам довелось встретиться спустя столько лет.

И вот, подходя к лестничному пролету...

– Доминика?... Доминика! – услышала я крик слева от себя.

Конечно же, это была Аля. Я-то уже знала, что она тут работает, а вот про меня она не догадывалась.

– Привет, Аля. Сколько лет, сколько зим, – с улыбкой произнесла я.

– И не говори! А ты совсем не изменилась, Доминика! Может, чуть выросла сама, да и грудь тоже, – перейдя на шепот, поведала она мне. В этом вся Аля – все по факту и в лицо. За это я ее и любила... и люблю.

– Да, ты тоже все такая же. Ну, возможно, стала еще красивее, – с улыбкой произнесла чистую правду.

Она действительно похорошела. В школе у нее были веснушки, сейчас их практически нет, глаза красиво подчеркнуты, волосы аккуратно убраны в

прическу.

– Спасибо, стараюсь.

И так слово за слово она рассказала, что Наташка и Анька тоже получили высшее образование. Анька уже замужем и ждет пополнения, а Наташка ищет работу после универа. Без опыта и связей, понятное дело, у нее это выходит не очень удачно, к сожалению.

– Я ей обещала узнать, может, сюда требуются менеджеры по продажам. Ты не в курсе? – поинтересовалась Аля.

– Не уверена, но фирме всего около трех лет, так что расширение продолжается, дела вроде идут хорошо. Возможно, найдется работенка и для Наташки.

– Было бы здорово! Прикинь, опять наша четверка собралась бы вместе!

– Да, было бы здорово. Вот только Анька для нас потеряна на некоторое время, пока с ребенком отнянчится.

– Ну да, ей будет не до прогулок.

– С детьми все труднее.

– Ага. Ну, слушай, мне уже надо бежать. Пятнадцатиминутный перерыв прошел. Ладно, до встречи, – целуя меня в щеку, проговорила Алька и скрылась в своем кабинете.

Поговорив с секретарем нашего начальника, я узнала, что требуются еще два менеджера по продажам и предложила кандидатуру своей подруги. На что Алла, секретарша, предложила прислать резюме и приходить на собеседование.

Для личного общения с начальством пришло три соискателя на должность юриста и пять, в том числе и Наташка, – на должность менеджера по продажам.

Мы ликовали! Менеджерами взяли Наташку и одного симпатичного молодого человека. На должность юриста был принят очень красивый парень. Итак, наш

почти полностью женский коллектив пополнился двумя сотрудниками-мужчинами. Все незамужние девочки были в восторге. Мне же нравилось с ними просто общаться, как с друзьями, которые тоже закончили столичные вузы.

Всех троих ожидал испытательный срок в два месяца. Валентин, так звали юриста, был на два года младше меня. Но, так как с четвертого курса ушел на заочное отделение и вышел на работу помощником у одного известного адвоката, стаж работы был чуть больше трех лет. Сюда же, в глубинку, так сказать, приехал к бабушке и решил задержаться. Кроме внука у нее никого не осталось. Это история удивляла: редко встретишь молодого человека, готового променять большой мегаполис, на городок численностью в восемьдесят тысяч.

Интересный парень и, на минуточку, с прямым и ровным носом! Да, у меня до сих пор пунтик на этот счет. Но кроме дружеского тепла я к нему ничего не чувствовала.

Новички обещали «проставиться» с первой зарплатой. Клубов в нашем городе не было. Все праздники молодежь проводила в кафе или в ресторане.

Три-четыре раза в неделю Аня захаживала к нам на обеды. Вот так снова и воссоединилась наша четверка. Это было здорово. Конечно, мы все изменились как внутренне, так и внешне. Но всё же это были мои девчонки. Наташка подружилась с секретарем начальника Аллой. И иногда мы обедали все вместе.

Так и прошел первый месяц работы наших новичков. Получив зарплату, они пригласили нас в ресторан.

Услуги такси только развивались в нашем городе, и я редко ими пользовалась. Но пройдя на каблуках метров двести, я поняла, что всё же лучше на такси.

Пока ждала машину, я ощутила на себе взгляд. Оглянулась – никого. Странно! Почувствовала, как будто по спине прошелся рой колючих мурашек. Было светло и я не испугалась, но ощущение дискомфорта не покидало меня.

Такси подъехало, и я быстренько скрылась в нем. И уже там смогла немного расслабиться. На место встречи мы приехали быстро. Расплатившись с таксистом, я вошла в зал ресторана. Одну его половину сняли для банкета: кто-то праздновал день рождения.

Наш столик оказался у окна с другой стороны. Все уже заняли свои места. Нас было семеро.

Валентин – новый юрист, Павел – новый продажник, Наташка, Аля, секретарь Алла, Кира – тоже продажница – и я. Два парня и пять девушек. Это даже не «на десять девчонок, по статистике девять ребят». Это хуже. Все девчонки незамужние и хотят урвать кусочек внимания парней. Я немного меньше остальных, так как они мне неинтересны как мужчины. Только как возможные друзья.

Около часа посидели, покушали, выпили, пытались шутить. И вот девчонки захотели танцевать, а как поделить мужчин – не знают. Решили по очереди танцевать. Немного комичная ситуация, но выхода нет. И вот подошла моя очередь (смешно звучит), заиграла песня Eros Ramazzotti & Cher – Pi? Che Puoi, и Валентин подал мне руку в качестве приглашения. Чтобы не привлекать излишнее внимание, я вложила в его руку свою и поднялась с диванчика. Танцевать особо не хотелось, но песня классная.

И вот я снова почувствовала взгляд, по мне как будто прошелся электрический ток. Танцуя, я обернулась – опять никого, но заметила, как к нашему столу подошли трое парней. Руки Валентина сильнее сжали мою талию. Это отвлекло меня от парней, и я посмотрела на своего партнёра по танцам. Он мило улыбнулся и расслабил руки до нормального состояния, и так мы дотанцевали наш танец, а после направились к столику.

Со спины все трое выглядели очень даже ничего: высокие, широкоплечие, стройные, подтянутые, накачанные. Можно бесконечно отпускать эпитеты в отношении их телосложений. А если коротко, то «конфетка», вернее, «конфетки». От этого сравнения я прыснула смехом, и все трое обернулись в мою сторону.

Вот черт! На меня вопросительно смотрели три пары глаз. И что делать, как объяснить мой смех?

Я очень смутилась. Что сказать? От уставившихся на меня парней мурашки пошли по коже. Хорошо, что платье с рукавами, иначе догадались бы.

– Хорошая шутка, Валентин, – ничего умнее не придумав, выдаю я. – У нас пополнение в рядах? – переключая внимание всех.

– Пока неизвестно, – отвечает Алла, – но думаю, скоро выяснится.

– Ясно, – пытаюсь пройти мимо парней к своему месту за столом.

– Ну так что, примете в компанию?

– Думаю, можно, – опять отвечает Алла, – разбавите наш цветник.

– А может, спросим у людей, которые нас тут собрали? – тихо спрашивает Аля. – Неудобно же.

– Да ладно, просто у парней будет отдельный счет. В чем проблема-то.

Все то время, пока девчонки переговаривались, я чувствовала на себе взгляд парня, стоящего по центру, с яркими серо-голубыми глазами, резко контрастирующими на фоне темных волос и смуглой кожи. Этот взгляд был именно от него, он будоражил кровь, заставлял краснеть.

Мужчина будто пожирал меня глазами. Из-за того, что особого общения у меня с парнями не было, я не знала, как себя вести. То отводила взгляд, то снова смотрела на него.

Никто проблемы не увидел, и парни присели за наш стол. Подозвали официанта и сделали заказ. Как только официант удалился, Алла решила завязать разговор:

– Давайте, поиграем...

«Может, сначала познакомимся?» – хотела спросить я, но сдержалась.

А Алла продолжила:

– Ну так что, парни, угадайте, по какому поводу мы собрались? Проявите свою находчивость, – это вообще тупизм. Алла не отличалась оригинальностью. Но она отличалась внешностью – высокая, стройная, с красивой фигурой, русоволосая, с большими голубыми глазами. Нос большеват, но это ее не портило – глаза привлекали все внимание к себе. Ну и большие и пухлые губы.

– А сколько у нас есть попыток? – интересуется на вид самый старший из них.

– Одна! – смеется Алла. Да что с ней?! На работе такая сдержанная, деловая. А тут флиртует как заправская... эээ... прям видно, что облизывается на парней.

– Смею предположить, вы что-то празднуете.

– Ты правильно предполагаешь. А конкретней?

И тут у меня зазвонил телефон. Увидев на дисплее «мама», решила ответить и перестала следить за диалогом, который происходил за столом.

– Да, мам. Что-то случилось?

– Нет, ничего. Хотела спросить, ты когда домой?

– Думаю, через час, максимум через два.

– Хорошо, отдыхай. Только со спиртным осторожнее.

– Мама, мне почти двадцать пять, ну что ты?!

– Ника, я имею право это тебе говорить даже в сорок.

– Хорошо, ладно. Вы тоже отдыхайте, – и не успела я нажать на кнопку «отбой», как услышала изумленное:

– Доминика?!

Повернувшись в направлении голоса, встретила изумленный и недоверчивый взгляд серо-голубых глаз.

– Ника, – поправляю я.

– Пока ты общалась по телефону, мы уже перезнакомились. Осталась одна ты, – поведала мне Алла. Что-то она очень активная сегодня. И мне это не нравится.

– Меня зовут Ника, – представляюсь я, интонацией и взглядом показывая, что готова услышать имена наших незваных гостей.

– Кеша, Леха, – указывает рукой сероглазый на парней рядом, – а я – Макс.

И так странно смотрит на меня, как будто ищет на моем лице ответ на незаданный вопрос. Станный тип...

– Очень приятно.

– У тебя красивое имя – Доминика, – как бы смакуя, произносит Макс последнее слово. Приятное ощущение вызывает его интонация и то, что такой парень считает мое имя красивым. – Почему сокращаешь до банального «Ника»?

А вот это уже неприятно.

Разбежалась и рассказала первому встречному. Сейчас.

– Может, я вся такая банальная, не приходило в голову? – не знаю почему, но хочется ему нахамить. Аля сбоку дает локотком, несильно, но понятно.

– Пока не приходило, но теперь осознал, – ухмыляется Максим, – наверное, из цветов розы предпочитаешь?

– Наверное... и предпочитаю, – отвечаю, а самой неприятно, ведь действительно люблю розы.

– А вы отсюда или приезжие? – пытается перевести разговор Аля.

– Местные, – отвечает тот, что Леха.

На вид им всем от двадцати пяти до тридцати лет. Макс и Кеша чем-то похожи – треугольная форма лица, нос ровный и прямой у обоих, губы тонкие. Вот только глаза разные. У Кеши – большие, карие и тёплые, что ли. А вот у Макса – серо-голубые, холодные... возможно, даже жёсткие. И брови тёмные, толстые и густые, по форме прямые и низко посажены над глазами. Возможно, поэтому взгляд был таким холодным... Леха – с круглой формой лица, нос большеват, полные губы и глаза голубого цвета.

– А сколько вам лет, и где вы работаете? – подала голос Кира.

Валентин подавился водой и начал часто кашлять. Рядом сидящая Наташка принялась бить его по спине, надеясь улучшить его самочувствие.

– Девчонки, хватит вопросов. Давайте лучше потанцуем. Тем более музыка располагает, – сказал Леха.

– Давайте! – воскликнула Алла. – Объявляется «Белый танец»!

Мы с Алей и Наташкой переглянулись. Да уж.... Неожиданно.

А Алла тем временем со слащавой улыбочкой на лице протянула руку Максиму со словами:

– Дама приглашает кавалера.

Наши с Максом глаза встретились. Он поднялся, не отрывая от меня взгляда, а затем улыбнулся и посмотрел на Аллу.

– С превеликим удовольствием, дама моего сердца, – и, взяв ее за руку, направился на импровизированный танцпол.

Не знаю почему, но мне совсем не понравилась эта сцена. Даже настроение испортилось.

Леха пригласил Алё потанцевать. Кира с Кешей встали в пару. Оставшиеся тихо сидели за столом и иногда посматривали на танцующие парочки. Я старалась не делать этого совсем. И вообще, мне хотелось уйти. Но как это сделать, я не знала. Все сразу начнут спрашивать, а ответа у меня и самой не было.

Танцующие вернулись, и за столом началась оживлённая беседа, в которой я не принимала никакого участия. Наступила апатия, что случалось со мной очень редко. Не хотелось ни с кем болтать, поэтому я просто сидела и пила сок. Улыбалась, когда все смеялись, и делала серьёзное лицо и поглядывала на часы, когда обсуждались какие-то вопросы.

Когда стало совсем невмоготу, я решила проститься со всеми и отправиться домой. Макс подскочил со своего места и предложил подвезти. Я, как и большая часть нашей компании, была очень удивлена, но парень нашелся с ответом:

– Я имел в виду, что, как настоящие джентльмены, мы должны проводить девушек по домам, на улице уже совсем темно.

– А я не против, да и девчонки тоже, думаю, – за всех ответила Алла.

– Вот и отлично. Ну что, кто в каком направлении живет?

Выяснилось, что мы с Аллой жили недалеко друг от друга. Алё с Наташкой снимали квартиру вместе – их отвезут Леха с Кешей. Киру вызвался проводить Валентин. Павел остался без девушки, но не сильно расстроился, так как машины у него не было. Вот так мы, поделившись на группы, отправились по домам.

Макс повёл нас к своей машине и, разблокировав двери, предложил занять места. Я двинулась в сторону пассажирской двери, Алла же сразу схватилась за ручку передней, чтобы сесть рядом с водителем.

В машине я не проронила ни слова, кроме как назвала свой адрес. А Алла с Максом трещали как сороки, смеялись и улыбались друг другу. А мне было неприятно их общество, и я молча смотрела в окно. Иногда ловила внимательный взгляд водителя в зеркале заднего вида, но сразу отворачивалась.

Минут через семь-десять мы остановились у моего дома. Я открыла дверь и собиралась уже поблагодарить и проститься, как Максим вышел из машины и обошёл её сзади.

– Эээ... спасибо, что подвёз.

– Пожалуйста, – и больше не говоря ни слова, протягивает мне свою сжатую в кулак руку.

Я не понимаю, к чему это, но в ответ так же протягиваю свою. И он что-то вкладывает в мою ладонь и прощается со мной. Садится за руль машины и быстро уезжает. Только и успели с Аллой помахать друг другу на прощанье.

Станный какой-то. То улыбается, то стартует с места, как будто за ним началась погоня.

Повернула в сторону дома, и уже открывая калитку, вспомнила, что у меня что-то зажато в ладони. Открыв ее, увидела салфетку из ресторана. Развернула и прочла вслух: «Подожди, пожалуйста меня, я приеду, как только ее отвезу».

Глава 7

Нет, все-таки странный этот Макс! То не разговаривает, то просит его подождать. И почему он при ней не может это мне сказать? Что за скрытность? Для чего это? Он мне вежливо написал «пожалуйста», и я ему вежливо ответила.

Не знаю, что на меня нашло, то ли обида, то ли гордость взыграла, но...

Когда парень вернулся к моему дому, он нашёл на калитке записку: «Извини, но уже очень поздно».

Выходные проходят обычно. Никто не звонит, не приезжает. Да уж, значит, не столь важен был для него разговор. Ну и ладно!

Выходим на работу в понедельник. Всё как всегда – собрались на обеде обсудить то, что было в пятницу. Девчонки взбудоражены, все перебываем друг друга, делимся впечатлениями о парнях. Так узнаю, что все наши новые знакомые работают вместе. Лёхе и Макс по двадцать восемь лет, имеют какое-то общее дело, свой бизнес, так сказать, без уточнений. Кеше двадцать шесть лет, работает программистом. Тоже в частном секторе.

Подумать только, сколько я пропустила информации за вечер... Непохоже на меня. И почему меня так задела эта ситуация с Макс и Аллой?! Как они танцевали, общались за столом, а потом в машине...

Алла сказала, что все парни ей понравились, а особенно Макс. «Он такой, он такой...» – и еще куча эпитетов, типа: красивый, умный, интересный, сексуальный, с чувством юмора. «И вообще, он такой классный!» – ее цитата в завершении всего сказанного ранее. Сказано все было с таким придыханием, мимикой влюбленной дурочки на лице, что аж противно стало.

А я убеждаюсь, что правильно поступила, что не стала его ждать. Не знаю, что он наговорил Алле, но то, что он хотел со мной встретиться, осталось для нее тайной, и мне это не нравится.

После работы решила сначала заглянуть в магазин за сладеньким, а после пешком до дома. За это время точно определилась, что не буду больше думать о Максе, не стоит он того. Раз Алла на него так запала, скорее всего, он тоже. А лезть в чьи-то отношения я не стану.

Подхожу к своему дому, а перед ним стоит машина. Выходит из нее Макс, серьёзный, даже немного сердитый. И если подумать, что он ждал меня сразу после работы, то стоит он здесь уже час так точно!

– Привет, – здоровается нервно и с нетерпением.

– Ну привет, – отвечаю спокойно.

– Почему не дождалась?

– А должна была?

– Я же просил.

– А я извинилась.

– Доминика!

– Я просила не называть меня так.

– Ладно. Ника, я же хотел с тобой поговорить.

– О чём?

– Хотел тебя пригласить в кафе или погулять в эээ...

– Зачем? – прерываю я его.

– Я думал, ты спросишь куда.

– А я спрашиваю зачем?

– Ну зачем парень девушку куда-то приглашает? – я молчу, жду продолжение речи. – Чтобы узнать друг друга поближе, например, – отвечает Максим.

– Я не вижу причин узнавать друг друга получше. Извини, мне надо домой. – начинаю идти в сторону дома.

– Не понял, ты мне что, отказываешь? – офигевшим тоном спрашивает следуя за мной..

– Да, именно так.

– И почему же?

– Ну, может, потому, что ты уже узнал поближе Аллу? – разворачиваюсь, и с сарказмом спрашиваю я. Не вижу смысла строить из себя обиженную и не называть причину своего поведения.

– Ах вот в чем дело. «Мы, девочки, всем делимся друг с другом», так? – не остается он в долгу, вырисовывая кавычки в воздухе и меняя голос.

Вот же гад! Еще и циник к тому же!

– Именно так! А я одиноличница. И, – делаю руками жест «кавычки», – «делиться» со всеми не собираюсь.

– Так я буду у тебя единственным, – ухмыляется этот Казанова недоделанный.

– Ты не будешь у меня никаким. Адъёс, – бросаю я ему и захожу во двор. Благо забор высокий, и меня уже не видно никому.

А я зла! От его наглости, самоуверенности, цинизма и хамства. И оттого, что мне это почему-то нравится!

Но блин, так не хочется быть для него «одной из», очередной победой и только. Уж лучше буду свидетелем его завоеваний, чем жертвой его цинизма и настойчивости.

Я слышала его удаляющиеся шаги, как он сел в машину, завёл двигатель и уехал.

«Вот и все. Вот и отлично. Так и надо. Так и должно было быть».

Я никогда не умела общаться с парнями, их у меня просто не было.

На нашем факультете бухгалтерского учета основным контингентом были девушки. А тех двоих хлюпиков, что затесались в наших рядах, ну никак нельзя было рассматривать в качестве объектов для влюбленности.

А на юридическом заочно мужчины учились ради «корочки». Был один парень, вызвавший мою симпатию, но он появился всего раз – чтобы закрыть сессию. Вот так я и провела все годы учебы в Москве – среди девчонок.

Сначала бухгалтерский учет – очно, а когда там были каникулы, как раз начиналась сессия на юридическом. В итоге все пять лет я училась практически без отдыха. А последний год юрфака я заканчивала из дома, ездила в столицу только на сессии. Брала на работе учебный отпуск и мчалась сдавать экзамены. Для кого-то студенческое время – лучшее в жизни, а у меня оно прошло скучно, было посвящено учебе и только.

Ни о каких вечеринках, гулянках, знакомствах с парнями и речи не было. Лайма с меня еще смеялась, что я вечный студент. Ну а что мне оставалось? Я утешала себя тем, что это вклад в мое блестящее будущее. К двадцати двум годам я обладала двумя дипломами о высшем экономическом и юридическом образовании. Мало кто мог таким похвастаться, кроме меня.

А в итоге я живу в небольшом городе и работаю в организации одного богатого человека обычным бухгалтером. Вот тебе и «вклад в блестящее будущее».

Во вторник и все последующие дни в офисе царили тишина и покой. С девчонками почти не разговаривала, работы было много. Лишь в пятницу, в обед, мы снова всей толпой оказались в столовой. На Алле не было лица, видно было, что она чем-то расстроена. Все спрашивали, что случилось, но она не спешила делиться.

После долгих советов и поддержки она все же сдалась. Сказала, что личная жизнь никак не наладится. А ведь казалось, что счастье было так близко. Ей хотелось чистой, настоящей любви и обязательно взаимной. А ее все нет и нет. И теперь она решила поехать куда-нибудь отдохнуть, набраться сил, а то что-то в последнее время всё плохо.

Я слушала и не могла понять, что же случилось. Ведь совсем недавно у них с Максом всё было хорошо. Буквально в этот понедельник она всем рассказывала о его положительных качествах и преувеличивала их, как могла. Так что же случилось? Такие резкие перемены, к чему бы это?

И я решила подойти к ней после и все уточнить. Не могу сказать, что мы были хорошими подругам. Однако тот факт, что мы с ней одновременно познакомились с парнями, думаю, дает мне право спросить о причинах ее расстройства.

Кінець ознайомительного фрагмента.

Купити: https://tellnovel.com/marr_emiliya/dominika

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)